

Элис Хоффман

**ПРАКТИЧЕСКАЯ
МАГИЯ**

Каждая женщина
немножечко ведьма

Annotation

Двести с лишним лет, что бы ни приключилось в городе, вину валили на женщин семейства Оуэнс. Может, причиной тому был их странный дом-особняк: с пыльной мебелью, скрипучими лестницами, племенем черных котов и летучими мышами на крыше? Или же неординарные способности, которые открываются на тринадцатый день рождения у каждой женщины их рода? Поговаривают, что Оуэнсы практикуют любовную магию, а в их холодильнике можно найти приворотное зелье, ингредиенты которого они выращивают в своем саду. Ведьмы по соседству – вот о чем шепчутся окружающие. В наше время на кострах их уже не жгут, но и без этого им живется несладко. Особенно когда кто-то из них влюбляется.

- [Элис Хоффман](#)
 -
 -
 -
 -
 - [Суеверие](#)
 - [Предвестия](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Элис Хоффман

Практическая магия

Alice Hoffman

PRACTICAL MAGIC

Copyright © 1995 by Alice Hoffman

© М. Кан, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Элис Хоффман – одна из самых выдающихся американских романисток, автор более тридцати бестселлеров, которые входят в списки популярных книг года: The New-York Times, Entertainment Weekly, The LosAngeles Times, Library Journal и People Magazine. Произведения Элис Хоффман переведены более чем на двадцать языков.

Роман «Практическая магия» – один из самых известных у писательницы, был экранизирован. В главных ролях снялись Сандра Баллок и Николь Кидман.

«Романы Элис Хоффман обладают невероятной силой. Каждое предложение – будто приворотное заклинание, которое навсегда влюбляет в произведение».

Kirkus Reviews

«Красивая, динамичная сказка о силе любви и невероятной страсти, на которую способно сердце».

Denver Post

«Ведьмы и призраки, заклинания и зелья сплетаются в атмосферную сказку о семейных узах и магической силе любви».

The Miami Herald

«Восхитительный роман о колдовстве и любви в мире, где пахнет лимонной вербеной и волшебством».

Cosmopolitan

«...один из лучших романов Хоффман. Будто волшебной палочкой она касается совершенно обычных вещей, наполняя их магией».

Newsweek

«Хоффман потрясающе переплетает реальное и магическое».

The Orlando Sentinel

*Посвящается Либби Ходжес
и Карол де Найт*

*Средства от любой из бед
Есть на свете или нет.
Если есть – ищи, не стой;
Если нет – махни рукой.*

Из «Матушки гусыни»

Суеверие

Двести с лишним лет, что бы ни приключилось в городе, вину валили на женщин семейства Оуэнс. Весна ли выдастся дождливая, соски ли закровят у коровы прямо в подойник, падет ли жеребенок от колик или ребеночек родится с багровой отметиной на щеке – все думали, что хоть каким-то боком в этом замешаны женщины с улицы Магнолий. Не важно, какова была напасть – молния, саранча или гиблый омут в реке. Не важно, что ей могло быть объяснение – логическое, научное, или попросту не повезло человеку. Чуть что пойдет не так, не заладится – и люди уже тычут пальцем, указывая на виноватых. А там недолго было внушить себе, что с наступлением темноты проходить мимо дома Оуэнсов небезопасно, и только самые неразумные из соседей осмеливались заглянуть за кованую ограду, черной змеей обвивающую двор.

В доме не было ни часов, ни зеркал, зато висело по три замка на каждой двери. Под половицами и в стенах жили мыши, нередко обнаруживаясь в ящиках комода, где они грызли вышитые скатерти и кружевные оторочки полотняных салфеток. На подоконные лавки и каминные доски пошло дерево пятнадцати различных пород, в том числе светлый дуб, и серебристый ясень, и особая душистая вишня, от которой даже глухой зимой, когда деревья за окном торчат голыми черными палками, исходил дух спелых ягод. Сколько бы ни накопилось в доме пыли, к дереву она не приставала. Приглядишься – и поймашь свое отражение прямо в деревянной панели или в перилах, за которые держишься, взбегая по лестнице. Во всех комнатах было сумрачно, даже в полдень, и прохладно, когда снаружи держался июльский зной. Коли отважишься ступить на крыльцо, сплошь завитое буйным плющом, ничегошеньки не увидишь в окно, хоть все глаза прогляди. То же самое – если смотреть на улицу изнутри: зеленоватые от старости стекла были такой толщины, что все по ту сторону, включая небо и деревья, виделось словно бы во сне.

Девочки, жившие на чердаке, были сестрами, с разницей в возрасте всего лишь в тринадцать месяцев. Никто и никогда не отправлял их спать раньше полуночи и не напоминал, что надо

почистить зубы. Никого не волновало, если они ходили в неглаженных платьях или плевались на улице. Все время, пока эти девочки росли, им позволяли ложиться в кровать, не снимая обуви, и рисовать углем на стенках спальни смешные рожицы. Им разрешалось, если уж так приспичило, пить за завтраком холодный лимонад, а вместо обеда наедаться зефиром. Разрешалось залезть на крышу, усесться там, оседлав шиферный гребень, и, запрокинувшись как можно дальше назад, высматривать появление на небе первой звезды. Мартовские ветреные ночи, сырые августовские вечера просиживали они там, шушукаясь, гадая, верить ли, что хотя бы малюсенькое загаданное желание иногда и вправду сбывается.

Воспитывались девочки у теток, которые, возможно, и рады были бы, да не могли не приютить их у себя. В конце концов дети остались сиротами, когда их беспечные родители, поглощенные любовью, не учуяли, как пошел дым от стен лесного домика, куда они сбежали проводить второй медовый месяц, бросив детей на приходящую няню. Неудивительно, что во время грозы сестры всегда спали в одной постели; обе ужасно боялись грома и при первых же его раскатах переходили на испуганный шепот. Когда наконец они все-таки засыпали, крепко обнявшись, им часто снились одни и те же сны. Бывали случаи, когда одна могла договорить фразу, начатую другой, и, уж конечно, каждая могла с закрытыми глазами угадать, что нынче хочется другой на сладкое.

А между тем по внешности и по характеру сестры были, несмотря на свою близость, совершенно разные. Кроме красивых серых глаз, которыми славились женщины Оуэнсов, ничто не указывало, что они состоят в родстве. Джиллиан была светленькая и белокурая, Салли же смолью волос не уступала черным, дурно воспитанным кошкам, которым не возбранялось шнырять по всему саду и цеплять когтями шторы в гостиной. Джиллиан была лентяйка и любила поспать до полудня. Она копила карманные деньги и нанимала Салли делать за нее уроки по математике и гладить ее выходные платья. Пила бутылками шоколадную шипучку и, растянувшись на прохладном полу в полуподвале, преспокойно сосала вязкие батончики «Хершис», наблюдая, как Салли вытирает пыль с металлических стеллажей, на которых у тетушек хранились домашние варенья да соленья. Больше всего на свете Джиллиан обожала валяться на бархатном подоконном

диванчике под узорными порттьерами, на лестничной площадке, где пылился в углу портрет Марии Оуэнс, которая и построила давным-давно этот самый дом. Здесь можно было летом застать ее в дневное время в такой истоме и неге, что моль, приняв ее за диванную подушку, садилась и проедала дырочки в ее футболке и джинсах.

Салли, старше сестры на триста девяносто семь дней, в той же мере отличалась добросовестностью, в какой Джиллиан – праздностью. Она отказывалась верить в то, чего нельзя доказать с помощью фактов. Когда Джиллиан показывала на падающую звезду, Салли не забывала отметить, что это всего-то-навсего летит на землю камень, раскаленный от своего движения сквозь толщу атмосферы. Салли была с самого дня рождения человеком ответственным, ей претили беспорядок и неустройство быта, какие наблюдались от чердака и до подвала в старом доме у тетушек на улице Магнолий. Это Салли, с тех пор как перешла в третий класс, а Джиллиан – во второй, принялась стряпать диетические обеды – мясной рулет, свежую стручковую фасоль, перловый суп, – следуя рецептам из книги «Кулинарные утехы», которую тайком от всех завела в доме. Каждое утро она собирала два школьных завтрака: бутерброд с индюшкой и помидорами, морковные палочки, овсяное печенье – и все это Джиллиан, едва только Салли приводила ее в класс, немедленно выбрасывала в мусорный бачок, предпочитая сэндвичи с говядиной и сыром и шоколадные пирожные, которые продавались в кафетерии, а гривенники и четвертаки на покупку того, что ей по вкусу, не гнушалась таскать из карманов теткиных пальто.

«Заря» и «Ночка» – называли их тетушки, и, хотя девочки не смеялись этой невинной шутке, не находя в ней ничего забавного, обе они признавали, что она справедлива, и раньше, чем это бывает у других сестер, усвоили истину: луна всегда завидует дневной жару, а солнце вечно тоскует по тому, что скрыто в темноте. Обе умели хранить секреты друг друга, клялись, что разрази их гром, если проговорятся, даже когда вся тайна состояла в том, что кто-то дернул кошку за хвост или нарвал без разрешения в саду букетик наперстянки.

Сестры могли бы враждовать из-за непохожести характеров, могли озлобиться и стать чужими, будь у них возможность подружиться с кем-либо еще, однако другие дети в городе их чурались. Никто из мальчиков и девочек не осмеливался с ними поиграть, а

очень многие при приближении Салли и Джиллиан торопились скрестить средний палец с указательным, как будто это могло послужить им защитой. Самые дерзкие и отчаянные мальчишки пристраивались к сестрам по дороге в школу и шагали позади, немного приотстав, чтобы чуть что успеть пуститься наутек. Еще они любили кидаться в девочек зимними твердыми яблоками и камешками, но даже самым ловким, слывающим звездами в своей спортивной команде, не удавалось хоть разок попасть в цель. Камни и яблоки неизменно падали у ног сестер Оуэнс.

Каждый день был полон для Салли с Джиллиан мелких унижений. Никто в классе не брал в руки карандаш или цветной мелок, если им перед этим пользовалась та или другая из сестер. Никто не садился рядом с ними в кафетерии или на школьных собраниях, а были девочки, которые просто визжали как резаные, когда, забежав в уборную сходить по-маленькому, посекретничать с подружками или причесаться, вдруг обнаруживали там одну из них. Салли и Джиллиан никогда не выбирали для участия в спортивных играх на уроках физкультуры, хотя никто в городе не бегал быстрее Джиллиан и не умел так отбить бейсбольный мяч, чтобы он перелетел через школьное здание и приземлился на соседней улице Эндикотт. Их не приглашали на вечеринки и на слеты девочек-скаутов, не звали поиграть в классики или влезть на дерево.

– Плевать на них, – говорила Джиллиан, заносчиво задирая точеный носик, когда они с Салли под волчьим завыванием мальчишек шли по школьному коридору на урок музыки или рисования. – Пускай пакостят. Погоди, вот увидишь, придет время, сами будут набиваться к нам в гости, и тогда настанет наша очередь куражиться.

Случалось, что доведенная до белого каления Джиллиан внезапно оборачивалась, гаркая: «Бу-у!» – после чего кто-нибудь из ребят обязательно мочил штаны, переживая куда большее унижение, чем те, что выпадали ей. Но у Салли давать отпор не хватало духу. Она одевалась во все темное и старалась оставаться неприметной. Прикидывалась туповатой и никогда не тянула руку на уроках. Скрывала свои истинные качества так успешно, что понемногу сама разочаровалась в собственных способностях. Сделалась тихонькой, словно мышка. Если и открывала рот на уроке, то лишь затем, чтобы

пропищать неправильный ответ, а со временем взяла себе за правило садиться в самый задний ряд и вообще не подавать голоса в классе.

И все равно от нее не отставали. В четвертом классе к ней в школьный шкафчик поставили открытый террариум с муравьями, и не одну неделю потом Салли натыкалась на раздавленных муравьев между страниц своих учебников. В пятом ей сговорились подложить в парту дохлого мышонка. Самый бессердечный из заговорщиков прилепил к нему на спинку ярлык. «Сали», – было выведено на нем корявыми буквами, но эта ошибка в правописании не вызвала у девочки ни малейшего злорадства. Она расплакалась над свернувшимся в клубочек тельцем с крохотными усиками и игрушечными лапками, но, когда учительница спросила, в чем дело, лишь повела плечами, точно утратила дар речи.

Как-то в погожий апрельский день, когда Салли училась в шестом классе, за нею в школу увязались все тетушкины кошки. После этого даже учителя избегали встречаться с нею в безлюдном коридоре и тотчас находили предлог свернуть в другую сторону. Убыстряя шаг, учителя оглядывались на нее с непонятной усмешкой – возможно, из опасения, как бы чего не вышло. У черных кошек есть дар действовать подобным образом на некоторых людей, вызывая у них дрожь в коленках, мурашки и воспоминания о ненастных и грешных ночах. Впрочем, кошки, которые жили у тетушек, были не особенно страшные. Они любили дремать на кушетках и все носили птичьи имена. Был среди них Кардинал, была Сорока, был Зяблик и была Гусыня. Был бестолковый котенок Голубок и склочный кот по кличке Ворон, который злобно шипел на остальных и держал их в страхе божьем. Трудно поверить, чтобы подобное сборище распущенных тварей всерьез вынашивало план опозорить Салли, но получилось именно так – хотя, быть может, увязались они в тот день за нею по той простой причине, что она сделала на ланч бутерброд с копченой рыбкой, всего один на сей раз, так как Джиллиан, сославшись на большое горло, осталась дома в постели, где наверняка рассчитывала проваляться до конца недели, заедая сладостями чтение журналов и не тревожась о том, что от шоколада на простыне остаются пятна, поскольку забота о стирке белья лежала на плечах Салли.

Салли в то утро и знать не знала, покуда не уселась за парту, что ее провожают кошки. Кое-кто из одноклассников засмеялся, но две

девчонки вскочили на батарею и подняли визг. Можно было подумать, свору чертей напустили к ним в класс, хотя на самом-то деле Салли привела за собою в школу обыкновенную блохастую живность. Черные как ночь, с истошными воплями, кошки прошествовали мимо столов и скамеек. Салли попробовала их шугануть, но кошки лишь подступили ближе. Они прохаживались перед ней взад-вперед, хвосты торчком, так мерзко мяукая, что впору молоку было свернуться в чашке.

– Брысь ты! – шепнула Салли, когда кот Ворон прыгнул к ней на колени и запустил когти в ее любимое голубое платье. – Пшел отсюда!

Но даже когда вошла мисс Маллинз и, постучав по столу линейкой, строгим голосом предложила Салли немедленно – *tout de suite* – очистить помещение от кошек, если не хочет остаться после уроков, противные зверюги уперлись и ни в какую не захотели уходить. Класс охватила паника, самые впечатлительные зашущукались о ведьмах. За ведьмами, как известно, часто таскается следом нечистая сила в животном обличье, исполняя злую волю. И чем нечистой силы больше, тем гаже ведьмины повеленья, а тут этой пакости набилась целая орава. Кому-то из ребят стало плохо, кто-то до конца жизни с тех пор не переносил кошек. Послали за учителем физкультуры, но, как он ни старался, размахивая метлой, кошки не уходили.

Один мальчишка в заднем ряду, который нынче как раз стянул у отца коробку спичек, воспользовался случаем посреди всеобщей суматохи и поджег Ворону хвост. По классу, опережая вопль кота, мгновенно распространился запах паленой шерсти. Салли, не размышляя, кинулась к Ворону и, упав на колени, сбила огонь подолом любимого платья.

– Хоть бы с тобой самим стряслось что-нибудь! – крикнула она мальчишке, который поджег Ворона. А после поднялась, лицо и платье в саже, баюкая кота на руках, как ребенка. – Увидел бы тогда, каково это! Узнал бы, что чувствуют другие!

В этот самый миг наверху прямо над ними класс затопотал ногами – от радости, так как обнаружилось, что все диктанты изжеваны учительским английским бульдогом, – и с потолка на голову дрянному мальчишке свалилась звукопоглощающая плитка. Мальчишка, с

помертвелой под веснушками физиономией, как подкошенный рухнул на пол.

– Это она, – вырвалось у кого-то из детей, а те, кто промолчал, разинули рты и вытаращили глаза.

Салли с Вороном на руках выскочила из класса, и кошки последовали за ней. Всю дорогу домой по улице Эндикотт и по улице Пибоди они путались у нее под ногами, мешая пройти в парадную дверь и подняться по лестнице, и до самого вечера скреблись к ней, даже после того, как она заперлась у себя.

Салли проплакала целых два часа. Дело в том, что она любила этих кошек. Украдкой выставляла им блюдца с молоком, носила их в плетеной сумке на улицу Эндикотт к ветеринару, когда они увечили друг друга в драке и у них воспалялись раны. Души не чаяла в этих чертовых кошках, хотя, когда, готовая провалиться сквозь землю, сидела в классе, рада была бы, если б у нее на глазах их утопили поочередно в ведре с ледяной водой или же расстреляли из ружья. И пусть она, как только справилась с собой, вышла оказать помощь Ворону, промыть и забинтовать ему хвост, все равно знала, что в душе предала его. С того дня Салли сильно упала в собственных глазах. Она уже не просила тетушек побаловать ее чем-нибудь или хотя бы наградить за то, что заслужила. Ей не нашелся бы более суровый и придиричивый судья; Салли изобличила в себе изъян, – нехватку сострадания и стойкости, и наказанием себе с той минуты назначила самоотречение.

После этого случая с кошками чураться сестер Оуэнс меньше не стали, а бояться стали больше. Теперь девчонки в школе не изводили их, а торопились отойти прочь, опустив глаза, когда Салли с Джиллиан проходили мимо. От парты к парте расползались в записочках слухи о колдовстве, в уборных и коридорах шепотом приводились обвинения. Ребята, которые держали дома черных кошек, клянчили им у родителей замену: колли, или хомячка, или хотя бы золотую рыбку. Потерпела ли поражение футбольная команда, взорвалась ли печь для обжига керамики в художественной мастерской – все разом косились в сторону сестер Оуэнс. Самые отчаянные озорники не решались запустить в них мячом на перемене или пульнуть шариком из жеваной бумаги, никто не швырялся в них больше камешками или яблоками. Среди девочек были такие, кто – на скаутских собраниях, в

гостях с ночевкой – клялся, что при желании Салли и Джиллиан свободно могут погрузить тебя в гипноз и заставить лаять по-собачьи или кинуться с крутого обрыва. Могут одним-единственным словом или кивком напустить на тебя свои чары. А если любую из сестер не на шутку разозлить, ей стоит лишь прочесть в обратном порядке таблицу умножения – и тебе каюк. Глаза вытекут из глазниц. Все кости размягчатся в твоём теле. Подадут тебя завтра под соусом в школьном кафетерии, и ни одна живая душа о том не догадается.

Меж тем, какие бы там слухи ни распускала, перешептываясь, городская детвора, но факт оставался фактом: почти у каждого мать хотя бы раз, да навевалась к тетушкам Оуэнс. То вдруг потребуется перечная настойка от капризного желудка, то цветок ваточник от нервов, хотя любая женщина в городе знала, от какого недуга на самом деле врачуют тетушки: специальностью их была любовь. Тетушек не приглашали на ужин или на сбор средств в фонд городской библиотеки, но если женщина повздорила со своим возлюбленным, если она обнаружила, что беременна, и не от того, за кем замужем, если узнала, что муж изменяет ей, как последняя скотина, – тогда, сразу как стемнеет, она оказывалась у черного хода дома Оуэнсов, в тот час, когда сумерки скрывают твоё лицо и никому не разглядеть, кто там стоит под глицинией, что растёт здесь с незапамятных времен, беспорядочно переплетаясь над дверным косяком.

Не важно, что этой женщиной могла оказаться учительница пятых классов начальной школы, или пасторская жена, или, тоже возможно, бессменная подружка стоматолога с улицы Пибоди. Не важно, что если приблизиться к дому Оуэнсов с восточной стороны, то с неба, божились люди, камнем падают черные птицы, готовые выклевать тебе глаза. Желание имеет свойство наделять человека необъяснимой отвагой. Оно, по мнению тетушек, способно подкрасться тихой сапой к нормальной взрослой женщине и превратить ее из здравомыслящего существа в нечто безмозглое, сродни блохе, от которой нипочем не отвязаться незадачливому псу. Та, у которой хватало духу явиться к черному крыльцу, не дрогнув, глотала мятный чай, в состав которого входило такое, что язык не повернется назвать, но который наверняка должен был вызвать ночью кровотечение. Она с готовностью подставляла тетушке средний палец левой руки для укола серебряной

иглой, раз таково было необходимое условие того, что к ней вернется ее ненаглядный.

При появлении женщины на мощенной голубоватым песчаником дорожке тетушки всполошились, точно клуши. Когда человек дошел до крайности, это учуешь за версту. Женщина, влюбленная без памяти, за средство обеспечить себе взаимность не задумается отдать камео, что из поколения в поколение хранилась у нее в семье. А та, которую предали, отдаст и больше. Но всех отчаяннее были женщины, которые позарились на чужого мужа. Эти ради любви были готовы на все. В угаре страсти их корежило, точно дерево в бурю, и все условности и хорошие манеры летели к чертям. Когда на дорожке к дому показывалась такая, тетушки тут же отправляли девочек на чердак, даже если это происходило в декабре, когда на дворе холодно и темнеет уже к половине пятого.

Девочки в эти хмурые вечера никогда не спорили. Взявшись за руки, они смирно шли наверх. Говорили теткам «спокойной ночи» с площадки, где пылился старинный портрет Марии Оуэнс, потом расходились по своим комнатам и, наспех накинув ночные рубашки, напрямик устремлялись к черной лестнице и спускались на цыпочках вниз, откуда, припав ухом к двери, можно было подслушать все до последнего слова. Иногда, если вечер выдался особенно темный, Джиллиан, расхрабрясь, пинком приоткрывала дверь; а Салли, из страха, как бы дверь не скрипнула, выдав их присутствие, не осмеливалась ее закрыть.

– Глупости все это! – шепотом возмущалась Салли. – Полная чепуха!

– Что ж тогда не уходишь? – живо отзывалась Джиллиан. – Ну давай, иди спать, – подбивала она, твердо зная, что сестра не рискнет пропустить то, что будет дальше.

С определенной точки на черной лестнице им видна была старая чугунная плита, стол и лохматый половик, по которому часто расхаживали взад-вперед тетушкины клиентки. Видно было, как человека с головы до пят, не говоря уже о том, что расположено в серединке, может скрутить в бараний рог любовь. Вот откуда Салли и Джиллиан стало известно такое, о чем дети в их возрасте обычно не знают: что, например, всегда имеет смысл собирать обрезки ногтей, служившие прежде живую тканью любимого человека, – на тот

случай, если ему взбредет в голову сходить прогуляться на сторону; что женщина от любовного томления может измаяться до рвоты над раковиной на кухне, до кровавых слез неистовых рыданий.

Вечерами, когда на небо выплывала оранжевая луна, а на кухне заливалась слезами очередная посетительница, Салли с Джиллиан, сцепясь мизинцами, давали клятву никогда не попадать во власть страстей.

– Тьфу, – отплеывались шепотом девочки, когда клиентка их тетушек ударялась в слезы или, задрав кофточку, показывала свежие порезы на том месте, где нацарапала бритвой на коже дорогое имя.

– Нет уж, мы – никогда! – зарекались девочки, крепче сплетая мизинцы.

В ту зиму, когда Салли минуло двенадцать, а Джиллиан вплотную подошла к одиннадцати, они узнали, что подчас в любовных делах всего опаснее – когда твое заветное желание сбывается. Той зимой к тетушкам пришла молодая женщина, работающая в магазине аптекарских и бытовых товаров. Уже не первый день тогда все ниже опускалась на дворе температура. Мотор тетушкиного «форда» кашлял и не заводился, покрышки примерзали к бетонному полу гаража. Мыши, пригревшись в стенках спален, носа не высовывали наружу, лебеди в парке щипали обледенелые водоросли и все равно вконец оголодали. Такие стояли холода, так беспощадно багровело небо, что девочек от одного взгляда наверх пробирали мурашки.

Клиентка, которая пришла в тот темный вечер, не могла похвастаться красотой, зато она отличалась добрым нравом. На праздники развозила угощение по домам, где жили старики, пела ангельским голосом в церковном хоре и, когда дети заказывали у стойки коктейль из мороженого с кока-колой, не забывала дать его каждому с двойным сиропом. Но когда эта тихая, невзрачная девушка пришла с наступлением темноты к тетушкам, она была сама не своя и в исступлении корчилась на плетеном вручную половике, сжав кулаки с такой силой, что они выглядели как кошачьи лапы. Она запрокидывала голову, и волосы лоснистой пеленой накрывали ей лицо, она до крови кусала губы. Любовь сжирала эту девушку заживо, она уже успела потерять тридцать фунтов веса. Словом, тетушкам, похоже, стало ее жалко, что случалось с ними, надо сказать, нечасто. Денег у девушки было маловато, и тем не менее они дали ей самое

сильнодействующее снадобье, какое только есть, снабдив подробными указаниями, как им пользоваться, чтобы чужой муж тоже полюбил ее. После чего предупредили, что назад хода не будет, так что пусть она хорошенько подумает.

– Я подумала, – сказала девушка ровным, красивым голосом и, по всей видимости, убедила тетюшек, во всяком случае, они вынесли ей на блюде из лучшего сервиза – того, что с синими плакучими ивами над ручьем, – голубиное сердце.

Салли и Джиллиан сидели, соприкасаясь коленками, в темноте на черной лестнице, босые, с невымытыми ногами. Они дрожали от холода, но пересмеивались между собой, шепотом повторяя вместе с тетками заклинание, заученное ими крепко-накрепко, ночью разбуди – не собьются: «Ты, игла, пронзи сердце голубя, ты, любовь, пронзи сердце сокола. Пусть не знает он сна и отдыха до тех пор, пока не придет ко мне. Как полюбит меня всей душой, так узнает он мир и покой». Джиллиан сопровождала эти слова короткими колющими движениями, в подражание тому, что, твердя заклинание, девушке надлежало проделывать с голубиным сердечком на сон грядущий семь дней кряду.

– Нипочем не сработает, – шепнула Салли, когда они, поднявшись ощупью по лестнице, пробирались потом к себе по темному коридору.

– Может и сработать, – прошептала в ответ Джиллиан. – Девушка, правда, из себя не очень, но все же чего не бывает.

Салли выпрямилась: она была старше и выше ростом и, стало быть, лучше знала.

– Хорошо, поживем – увидим.

Почти две недели Салли и Джиллиан вели наблюдение за одержимой любовью девушкой. Словно приставленные к ней сыщики, часами, не сводя с нее глаз, просиживали у стойки в магазине, спуская карманные денежки на кока-колу и картофель фри. Шли за ней по пятам, когда она возвращалась к себе в квартиру, которую снимала на пару с другой юной особой, работавшей в химчистке. Чем неотступнее они следили за каждым ее шагом, тем сильнее в Салли крепло ощущение, что они влезают в чужую личную жизнь, но сестры все-таки продолжали верить, что проводят важное исследование, хотя у Джиллиан временами терялось четкое представление, какую, собственно, они преследуют цель.

– Очень простую, – говорила Салли. – Доказать, что никакой особой силы у теток нет.

– И если они только морочат людей, – усмехалась Джиллиан, – тогда получится, что мы точно такие же, как все. Обычные.

Салли кивала. Невозможно передать, как волновала ее эта тема, поскольку для нее лично самым заветным желанием было – быть как все. Ей снилась по ночам деревенская усадьба, дом за беленьким частоколом, и слезы наворачивались ей на глаза, когда, просыпаясь поутру, она видела в окошко черные зубцы металлической ограды. Другие девочки, она знала, умывались мылом «айвори» и дуплистым мылом «камэй», а их с Джиллиан заставляли мыться черным мылом, которое тетушки два раза в год варили на задней конфорке плиты. У других девочек были матери и отцы, которые не забивали себе голову всякой всячиной типа роковых желаний и неизбежной судьбы. Ни у кого больше на их улице и даже в городе не было дома комода с ящиком, полным брошек-камей, полученных в уплату за исполнение желаний.

Но может быть, у нее не такая уж ненормальная жизнь, как кажется, – на большее Салли не надеялась. Если для девушки из магазина аптекарских товаров любовное заклинание не сработает, то, скорее всего, тетушки всего лишь прикидываются, будто обладают какой-то особой силой? Поэтому сестры ждали и молились, чтобы ничего не произошло. И вот, когда стало похоже, что ничего таки определенно не произойдет, в ранних сумерках у дома, где жила девушка, остановил свой микроавтобус директор их школы, мистер Халлиуэлл. С непринужденным видом вошел в дверь, но не преминул, как подметила Салли, оглянуться через плечо – взгляд у него был мутный, как будто человек семь ночей не спал.

В тот вечер девочки не пришли домой к ужину, хоть Салли и обещала тетушкам, что приготовит бараньи отбивные с фасолью. Поднялся ветер, заморосил холодный дождь, а сестры все не трогались с тротуара напротив дома, где жила девушка из магазина аптекарских товаров. Мистер Халлиуэлл показался только в десятом часу и со странным выражением лица, словно не вполне отдавал себе отчет, на каком он свете. Прошел мимо собственной машины, не узнавая ее, и лишь на полдороге домой спохватился, что где-то ее оставил, а потом примерно полчаса соображал, где именно. После этого он появлялся

здесь каждый вечер, точно в одно и то же время. Один раз не постеснялся прийти в обеденный перерыв к ней в магазин и спросить чизбургер с кока-колой, хотя ни кусочка в рот не взял, а вместо этого пожирал глазами девушку, которая его приворожила. Сидел на самом первом табурете, одурманенный и распаленный до такой степени, что в том месте, где он облокачивался на стойку, даже линолеум пошел пузырями. Заметив наконец, что за ним наблюдают Салли и Джиллиан, он потребовал, чтобы сестры отправлялись назад на уроки, и принялся за свой чизбургер, но все равно так и не смог отвести глаз от девушки. В том, что чем-то его шарахнуло, сомнений не оставалось – тетки поразили свою мишень столь же явно, как если бы стреляли по ней из лука.

– Совпадение, – настаивала на своем Салли.

– Не знаю. – Джиллиан пожалала плечами. Всякий заметил бы, что девушка прямо светится, поливая вареньем пломбир с орехами или пробивая чек на микстуру от кашля или антибиотик по рецепту. – Она получила то, что хотела. Так или иначе.

Но оказалось, девушка получила не совсем то, что хотела. Она пришла к тетушкам снова, в таком плачевном состоянии, что хуже некуда. Любовь – это одно, но женитьба – совсем другое. Мистер Халлиуэлл, как выяснилось, не был убежден, что готов оставить жену.

– Тебе, по-моему, этого видеть не надо, – прошептала сестре Джиллиан.

– Откуда ты знаешь?

Каждое слово девочки шептали друг другу на ухо; им было почему-то боязно, хотя до сих пор в надежном укрытии на черной лестнице с ними этого не бывало.

– А я как раз видела однажды.

Джиллиан заметно побледнела, волосы у нее топорщились во все стороны, окружая голову светлым облачком.

Салли отпрянула назад. Ей сделалось понятно, что подразумевают люди, говоря, что у них в жилах стынет кровь.

– Как – без меня?

Джиллиан часто наведывалась на черную лестницу без сестры, проверяя себя на храбрость.

– Я думала, ты не захочешь. Они иногда вытворяют такое, что страх берет. Тебе не вынести.

После этого Салли уже не могла не остаться с младшей сестрой, хотя бы в доказательство того, что ей не слабо.

– Ну, это мы посмотрим, кому вынести, а кому нет.

Но Салли ни за что не осталась бы на лестнице, она бегом убежала бы к себе и заперлась на засов, знай, как отвратителен способ, которым можно вынудить мужчину жениться, когда он этого не хочет. Она зажмурилась, увидев, как в дом внесли лесную горлицу. Закрыла уши руками, чтобы не слышать криков птицы, когда ее положили на кухонный стол. Твердила себе: сколько раз сама жарила кур и бараньи отбивные, а это примерно то же самое. Но все равно никогда больше с того вечера Салли в рот не брала ни мяса, ни птицы, ни даже хотя бы рыбы и не могла без содрогания видеть, как вспархивает с дерева и улетает стайка воробьев или других мелких пташек. Долго еще потом, как только начинало темнеть, она тянулась схватиться за руку сестры.

Всю зиму Салли и Джиллиан видели девушку из аптеки с мистером Халлиуэллом. В январе он ушел от жены и женился на ней, они поселились в белом домике на углу Третьей улицы и Эндикотт. Став мужем и женой, они практически не разлучались. Куда бы ни направилась девушка, на рынок или на занятия в гимнастическом зале, мистер Халлиуэлл, словно пес, обученный гулять без поводка, шел следом. Сразу по окончании уроков он устремлялся в магазин аптекарских товаров; он появлялся там при первой возможности, с букетиком фиалок или коробкой восточных сладостей, и сестрам доводилось слышать, как иногда в ответ на эти подношения мужчина получал от своей новой жены какую-нибудь резкость. Неужели обязательно постоянно держать ее под присмотром? Вот что шипела она любимому человеку. Неужели нельзя хоть на минуту оставить ее в покое?

Весной, в ту пору, когда зацветает глициния, девушка объявилась у них снова. Салли и Джиллиан вышли под вечер в огород нарвать лука-батуна для овощного рагу. С дальнего края сада, как всегда в это время года, вкусно тянуло лимонным тимьяном, оживали кустики розмарина, теряя ломкость и белесый налет. Погода стояла до того сырая, что комары налетали тучами, Джиллиан едва успевала шлепать себя по тем местам, на которые они садились. Салли пришлось потянуть ее за рукав, призывая взглянуть, кто приближается к ним по выложенной песчаником дорожке.

– Мамочки! – завопила Джиллиан и перестала шлепать комаров. – Ну и вид у нее!

Девушка из аптеки больше и на девушку-то была не похожа, она выглядела старухой. Волосы у нее утратили блеск, рот поджался скобкой, словно в него попала кислота. Она потирала руки – то ли кожа растрескалась, то ли, скорей всего, до безобразия расшатались нервы. Салли подобрала плетеную корзинку с луком и посмотрела, как тетушкина клиентка стучится в заднюю дверь. Никто не отозвался, и она с остервенением забарабанила по доскам кулаками.

– Открывайте же! – выкрикивала она. – Откройте!

Стук гулко отдавался в доме, но ему отвечала тишина.

Когда посетительница заметила девочек и направилась в их сторону, Джиллиан побелела как мел и прижалась к сестре. Салли не тронулась с места – да, собственно, отступить все равно было некуда. Тетушки приладили к забору лошадиный череп – отпугивать соседских ребятишек, равнодушных к мяте и клубнике. Салли оставалось надеяться, что он способен также отпугнуть нечистую силу, потому что в девушку словно бес вселился – будто одержимая, налетела она на сестер здесь, в этом огороде, где уже густо разрослись лаванда, и розмарин, и змеиный чеснок, хотя у соседей большей частью еще чернела во дворе лишь голая земля.

– Смотрите, что они наделали! – кричала девушка. – От него невозможно отвязаться ни на миг! Все замки поснимал с дверей, даже в ванной комнате! Следит за каждым моим шагом – ни поесть по-людски, ни поспать! Поминутно норовит затащить в постель, у меня уже все саднит – и внутри и снаружи!

Салли попятилась, едва не сбив с ног Джиллиан, которая по-прежнему стояла вплотную к ней. Обычно с детьми так не разговаривают, но девушке из аптеки, по всей видимости, плевать было на то, что можно, а что нельзя. Салли заметила, что у нее красные, заплаканные глаза. Губы нехорошо кривились, как будто с них могли слетать одни только бранные слова.

– Где они, эти ведьмы, которые так со мной поступили?

Тетушки смотрели в окно, наблюдая, что могут сотворить с человеком неумеренность в желаниях и глупость. Когда Салли скосила глаза на окно, они грустно покачали головой. Они не желали больше иметь дела с девушкой из аптечного магазина. Есть люди, которых не

уберечь от беды. Сколько ни пытайся, сколько ни предупреждай, все равно будут делать посвоему.

– А тетеньки уехали отдыхать, – чужим, нетвердым голосом сказала Салли. Ей до сих пор не приходилось говорить неправду, и от этого появился неприятный привкус во рту.

– Ну-ка сходи за ними! – крикнула девушка. Она стала совсем другим человеком. На спевках церковного хора, в тех местах, где ей полагалось петь соло, ударялась в слезы, и ее, чтобы не срывать репетицию, приходилось выводить наружу, на площадку для парковки машин. – Да живо, иначе так врежу, что не обрадуешься.

– Оставьте нас в покое, – заявила Джиллиан из безопасного укрытия за сестриной спиной. – Или нашьлем на вас заклятие пострашней того!

Услышав это, девушка не стерпела. Она метнулась к Джиллиан, размахнулась, но удар пришелся по Салли. Он оказался так силен, что бедняга качнулась назад, наступив ногой прямо на розмарин и вербену. Тетушки за окном забормотали заговор, которым их в детстве учили унимать куриный галдеж. Кур в загородке разгуливало тогда полным-полно, рябых и голенастых, но тетки взялись за них так рьяно, что они больше вообще не подавали голоса, – из-за чего их, между прочим, всех до единой и перетаскали по ночам бродячие собаки.

– Ой, – вырвалось у Джиллиан, когда она увидела, как досталось сестре. На щеке у Салли выступило багровое пятно, но заплакала от этого Джиллиан. – Гадина! – крикнула она девушке из аптеки. – Просто гадина!

«Ты что, не слыхала? Ступай приведи мне теток!» – так собиралась, по крайней мере, сказать девушка из аптечного магазина, но никто ничего не услышал. Из рта у нее не вылетело ни звука. Ни звука, ни слова, и уж точно – никаких извинений. Она приложила руку к горлу, словно кто-то душил ее, хотя задыхалась она как раз из-за избытка той самой любви, которой ей прежде так безумно недоставало.

Салли, наблюдая за девушкой, видела: лицо у нее помертвело от страха. Вышло так, что с тех пор девушка из аптечного магазина больше не разговаривала, лишь издавала изредка либо коротенькие звуки, похожие на голубиное воркование, либо, когда выходила из себя, скрипучие вопли, точно курица с переполоху, когда за нею

погнались, чтобы схватить – и в ошип ее и в духовку. Подруги из церковного хора оплакивали утрату чудесного голоса, однако стали со временем ее сторониться. Спина у девушки выгнулась, точно хребет у кошки, ступившей на раскаленные угли. На всякое доброе слово она в ответ закрывала уши руками и топала ножкой, как избалованный ребенок.

До конца жизни ей предстояло терпеть, что за нею ходит как привязанный мужчина со своей непомерной любовью, и не иметь возможности даже послать его подальше. Салли знала, что этой клиентке тетушки никогда уже не откроют дверь, приходи она стучаться к ним хоть тысячу раз. Снова требовать чего-то девушка не имела права.

Она что, вообразила, будто любовь – это игрушка, милый пустячок, которым приятно позабавиться? Настоящая любовь опасна, схватит тебя изнутри и скрутит; зазеваешься, не ослабишь вовремя поводья – будешь ради нее готов пойти на что угодно. Была бы девушка из аптеки посообразительней, она попросила бы не приворотное средство, а отворот. А так получила в конечном счете то, что хотела, и если сама не извлекла из этого урока, то кое-кто там, в огороде, извлек. Девочка, которой хватило ума пойти в дом, три раза повернуть ключ в замке и ни единой слезинки не пролить, нарезая лук, до того едкий, что другая из-за него проплакала бы всю ночь.

Раз в год, под Иванов день, в дом к Оуэнсам залетал воробей. Как тому ни пытались воспрепятствовать, птичка всякий раз умудрялась проникнуть внутрь. И блюдца-то с солью выставляли на подоконники, и мастера вызывали заделывать пазы и латать крышу, а воробей появлялся все равно. Обнаруживался в доме, когда смеркалось, в час скорби, всегда бесшумно, но с необъяснимым упорством, которому ни соль, ни кирпичи не помеха, словно беднягу приговорили сидеть нахохлясь на шторе или на пыльной люстре, с которой каплями слез стекали вниз стекляшки.

Тетушки держали наготове швабру и гнали птицу в окно, но воробей залетал слишком высоко, и до него было не достать. Пока он кружил, облетая столовую, сестры вели счет, зная, что три круга – это к неприятностям, а выходило, как нарочно, всегда три. Неприятности, понятно, были сестрам Оуэнс не в новинку, особенно когда они подросли. Не успели девочки перейти из начальной школы в среднюю,

как мальчишки, которые все эти годы их чурались, стали вдруг отчаянно увиваться за Джиллиан. Она могла пойти в магазин за банкой горохового супа и вернуться связанной железным обещанием «дружить» с парнишкой из отдела свежемороженых продуктов. Дальше – больше. Возможно, матовый отсвет ее лицу придавало черное мыло, которым она умывалась, но как бы то ни было, прикосновение к ней обжигало, и не обратить на нее внимание было невозможно. Ребята заглядывались на нее до головокружения, и их в срочном порядке отправляли в медпункт на переливание крови или сеанс терапии в кислородной палатке. Мужчины, состоящие в счастливом браке и годящиеся ей в отцы, внезапно загорались идеей сделать ей предложение и посулить золотые горы – по крайней мере в доступном для них варианте.

Когда Джиллиан надевала короткую юбочку, на улице Эндикотт случались автодорожные происшествия. Когда она проходила мимо, псы, сидящие на толстой металлической цепи возле своей конуры, забывали рычать и кусаться. Однажды жаркой весной, в День поминовения, Джиллиан, оставив мало что от своей шевелюры, постриглась «под мальчика», и почти все ее сверстницы в городе сделали в подражание ей то же самое. Но ни одна из них не останавливала видом своей открытой шейки уличное движение. Ни одной ослепительная улыбка не помогла без экзаменов, без вечерних бдений над уроками сдать биологию и обществоведение. В то лето, когда Джиллиан исполнилось шестнадцать, все игроки футбольной команды из их школы буквально каждую субботу проводили в саду у тетушек. Торчали там в полном составе, нескладные, замкнутые, влюбленные по уши, пропалывая от сорняков рядки пасленовых и вербены, но обходя старательно перья зеленого лука, до того жгучего, что стоит зазеваться – и не оберешься волдырей на пальцах.

Джиллиан разбивала сердца, как разбивают яйца для омлета. К выпускному классу она так в этом натрелась, что ее жертва иной раз не успевала опомниться, как от нее оставалось мокрое место, да и то – сплошной вздох. Если собрать воедино истории, в которые обычно попадают девочки за время взросления, и сутки выпаривать их на огне, в сухом остатке получишь что-нибудь размером с батончик «сникерса». Но если удалить воду из тех историй, в которые умудрялась попадать Джиллиан Оуэнс, не говоря уж о количестве

причиненного ею горя, – вырастет грудка вязкого месива величиной с бостонскую ратушу.

Тетушек репутация Джиллиан не волновала нисколько. Им в голову не приходило отругать ее или назначить час, когда она обязана быть дома. Когда водительские права получила Салли, она садилась в микроавтобус, чтобы съездить в магазин или отвезти на свалку мусор; когда же очередь дошла до Джиллиан, она закатывалась с вечера гулять и пропадала до рассвета. Тетушки слышали, как Джиллиан крадется на цыпочках в парадную дверь, и находили в бардачке «форда» пивные бутылки. Что ж, молодость есть молодость, рассуждали они, тем более когда речь идет о девушках из семейства Оуэнс. Единственный их совет был, что проще уберечься от ребеночка, нежели вырастить его, – с чем даже Джиллиан при всем своем легкомыслии не могла не согласиться.

А беспокоились тетушки о Салли. О Салли, которая готовила каждый вечер калорийные обеды, покупала по вторникам продукты, а по четвергам вывешивала сушиться белье, чтобы простыни и полотенца приятно пахли свежестью. Добродетель была, на их взгляд, не достоинством, а всего лишь проявлением бесхарактерности, малодушием. В жизни есть, полагали тетушки, кое-что поважнее забот о пыли, скопившейся под кроватью, или палой листве, не сметенной с крыльца. Женщины Оуэнсов не считаются с условностями, они своевольны и упрямы, такими их и берите. Когда выходят замуж, то оставляют себе девичью фамилию, и дочери у них тоже носят фамилию Оуэнс. Особенно отличалась своенравием Реджина, мать Джиллиан и Салли. Тетушки смахивали с глаз слезинку, вспоминая, как по вечерам, хлебнув лишнего, Реджина, бывало, расхаживала босиком по перилам, раскинув руки для равновесия. Дурачество, возможно, зато она умела весело провести время – способность, которой женщины в семье Оуэнсов гордились. Джиллиан унаследовала от матери бесшабашный нрав; Салли же вообще не имела представления о том, что значит поразвлечься.

– Сходи куда-нибудь, – приставали к ней тетки в субботу вечером, когда Салли с книгой, взятой в библиотеке, ложилась, поджав ноги, на тахту. – Погуляй, развлекись, – уговаривали они своими слабенькими въедливыми голосами, какими разве что улитку сгонишь с капустного листа, но уж никак не племянницу с тахты.

Тетушки хотели видеть Салли более общительной. Они стали приваживать к дому молодых людей, как другие старушки приваживают бездомных котов. Давали объявления в университетские малотиражки, обзванивали общежития студенческих землячеств. Каждое воскресенье созывали молодежь к себе в сад на бутерброды с холодной говядиной и темное пиво, но Салли лишь безучастно сидела при этом на металлическом садовом стульчике, скрестив ноги, и думала о своем. Тетушки покупали ей тюбики розовой губной помады, импортные испанские соли для ванны. Выписывали по почте вечерние платья и кружевные комбинации, мягчайшие замшевые сапожки, но Салли отдавала все подарки Джиллиан, которая знала, как найти им применение, а сама субботними вечерами по-прежнему читала книжки – точно так же, как по четвергам занималась стиркой белья.

Это не значит, впрочем, что Салли вполне добросовестно не старалась влюбиться. Как человек вдумчивый, основательный, с поразительным умением сосредоточиться на поставленной задаче, она какое-то время соглашалась на предложения сходить в кино, на танцы или пройтись с кем-нибудь в парке вокруг пруда. Старшеклассники, назначавшие ей свидания, диву давались, обнаружив, как долго ей удается сосредоточиться на одном поцелуе, и поневоле гадали, какие еще могут таиться в ней способности. Многие из них и через двадцать лет не переставали о ней мечтать, совсем некстати, но ей ни один не приглянулся и даже не запомнился по имени. На повторное свидание она ни с кем не соглашалась, считая, что это было бы нечестно, а в такие понятия, как честность, даже в делах столь неординарных и исключительных, как дела любовные, Салли в ту пору верила.

Глядя, как Джиллиан перебирает полгорода, меняя одного парня за другим, Салли спрашивала себя, не досталось ли ей самой каменное сердце. Но к тому времени, как сестры закончили школу, выяснилось, что хотя влюбляться-то Джиллиан влюбляется, но не дольше, чем на две недели. Салли стала думать, что обе они обижены судьбой в равной мере, да и не удивительно, в сущности, что сестрам так не повезло, если учесть их происхождение и воспитание. Тетушки, например, до сих пор держали у себя на комодe фотографии молодых людей, которых любили в юности, – братьев, которые во время пикника не пожелали из гордости укрыться от грозы. Юношей убило молнией прямо на зеленом городском пустыре, где они и покоились

ныне под гладким округлым камнем, к которому на утренней и вечерней заре слетались траурные голуби. Каждый год в августе молнию вновь притягивало к этому месту, и, когда наверху собирались черные грозовые тучи, влюбленные парочки подбивали друг друга на слабо перебежать через пустырь. Но только воздыхателям Джиллиан, одуревшим от любви, хватало духу подвергать себя такой опасности, и для двоих из них пробежка через пустырь в грозу закончилась больницей, после чего волосы у них на голове так и остались стоять дыбом, а вытаращенные с тех пор глаза не закрывались даже во сне.

Когда Джиллиан исполнилось восемнадцать, она влюбилась на целых три месяца, решив по такому случаю сбежать со своим возлюбленным в Мэриленд и там обвенчаться. Необходимость такого шага объяснялась отказом тетюшек дать свое благословение на этот брак. Джиллиан была, по их представлениям, еще молодая и глупая – забеременеет в два счета и обречет себя на бесцветную, унылую жизнь. Оказалось, что тетюшки были правы лишь в той части, что касалась молодости и глупости. Забеременеть Джиллиан не успела – через пару недель после свадьбы она ушла от мужа к механику, который ремонтировал их «тойоту». Это был первый из длинной череды ее брачных крахов, но в ту ночь все на свете еще казалось возможным, даже счастье. Тогда Салли помогала связывать белые простыни для побега. Правда, она считала младшую сестру эгоисткой, неумеренной в своих аппетитах. Джиллиан же числила Салли педанткой и ханжой, но все равно они были сестрами, и теперь, когда их ждала разлука, они обнялись, стоя у открытого окна, расплакались и поклялись друг другу, что расстанутся совсем ненадолго.

– Поехала бы с нами, – голос Джиллиан понизился до шепота, как, бывало, во время грозы.

– Тебе не обязательно это делать, – сказала Салли. – Если нет уверенности...

– Хватит с меня теток! Я хочу настоящей жизни! Хочу уехать туда, где никто слыхом не слыхивал об Оуэнсах.

На Джиллиан было белое короткое платьице, которое приходилось поминутно одергивать на бедрах. Шмыгнув носом, она порылась в сумочке и достала мятую пачку сигарет. Чиркнула спичка, и сестры разом зажмурились. Постояли, глядя, как проступает из темноты рыжее пятнышко, когда Джиллиан затягивается, и Салли не

стала утруждать себя замечанием, что не надо бы стряхивать горячий пепел на пол, который она только сегодня подметала.

– Дай слово, что здесь не задержишься, – говорила Джиллиан. – А то скукожишься, как жеваная бумажка. Испортишь себе жизнь.

Во дворе молодой человек, с которым Джиллиан задумала совершить побег, начинал нервничать. Ни для кого не было секретом, что девушке случалось идти на попятный, как только дойдет до дела, – правду сказать, она этим славилась. За один этот год обнаружили три студента, каждый из которых пребывал в уверенности, что именно за него Джиллиан собирается замуж, и каждый преподнес ей бриллиантовое колечко. Какое-то время Джиллиан носила три кольца на золотой цепочке, но в конце концов вернула их назад, разбив на протяжении одной недели три сердца – в Принстоне, Провиденсе и Кембридже. В школе старшеклассники заключали пари о том, кто будет ее кавалером на выпускном балу, поскольку она за несколько месяцев успела принять и отвергнуть приглашения от самых разных поклонников.

Молодой человек внизу, которому предстояло в недалеком будущем стать мужем Джиллиан, принялся швырять на крышу камешки; судя по их перестуку, можно было подумать, что пошел град. Сестры порывисто обнялись – у них было такое чувство, будто судьба подхватила их, закружила и вот бросает на перекресток, откуда дороги расходятся. Годы минуют, пока они свидятся вновь. И станут они к тому времени взрослыми, которым не до того, чтобы шептать друг другу на ухо свои секреты или забираться на крышу среди ночи.

– Едем с нами, – сказала Джиллиан.

– Нет, – ответила Салли. Кое-что насчет любви она знала наверняка. – Побег совершают только вдвоем.

На крышу градом сыпались камешки, на небо мириадами высыпали звезды.

– Я буду слишком скучать без тебя, – произнесла Джиллиан.

– Давай же, – сказала Салли. Ни за какие блага на свете она не стала бы удерживать сестру. – Двигай.

Джиллиан обняла Салли в последний раз и скрылась за окном. Тетушки, которых накормили перловым супом, щедро сдобренным виски, посапывали на диване и ничего не слышали. Но Салли слышала, как сестра убегает по выложенной песчаником дорожке, и

проплакала всю ночь, и все ей слышались шаги внизу, хотя в саду если что и двигалось, то разве только местные жабы. Поутру Салли вышла забрать белые простыни, которые Джиллиан свалила кучей у глицинии. Почему это стирать всегда доставалось Салли? Почему ей было дело до того, что на материи остались грязные пятна, которые придется отдельно отбеливать? Никогда еще ей не было так одиноко и тоскливо. Если б только уверовать, что спасение – в любви, но для нее все связанное с любовью было безнадежно испорчено. В ее глазах желание выглядело одержимостью, любовный пыл – плодом горячечного воображения. Лучше бы ей никогда не пробираться тайком вниз по черной лестнице, не подслушивать, как убиваются, канючат и ставят себя в глупое положение тетушкины клиентки. Все это привило ей устойчивую невосприимчивость к любви, и, откровенно говоря, она считала, что вряд ли в этом смысле переменится.

Два года от Джиллиан время от времени приходили открытки с «обнимаю и целую» и «жаль, что тебя здесь нет», но без обратного адреса. У Салли за это время убавилось надежды, что ей что-либо светит в жизни, кроме стряпни, в которой тетки не нуждались, да уборки в доме, где на дерево никогда не садится пыль.

Ей стукнул двадцать один год, другие в ее возрасте оканчивали университет или получали повышение на работе, а с ними возможность переехать в свою квартиру; для нее же самым захватывающим событием было сходить в скобяную лавку. Салли могла провести там битый час, выбирая моющее средство.

– Мыть пол на кухне – какое лучше? Как вы думаете? – спрашивала она у продавца, симпатичного молодого человека, которого этот вопрос приводил в такое замешательство, что он просто указывал ей на «Лизол». Роста продавец был почти двухметрового, и Салли не могла разглядеть, с каким выражением лица он направляет ее к нужному средству. Будь она чуточку повыше или же влезь на стремянку, которой пользовались, расставляя по полкам товар, она обратила бы внимание, что продавец глазеет на нее, разинув рот, как бы в надежде, что оттуда сами собой выплеснутся слова для передачи того, о чем он робеет заикнуться.

По пути из лавки домой Салли поддавала ногой встречные камешки. Следом за ней увицалась стайка черных птиц, галдя и каркая о

том, что она за нелепое существо, и Салли, хоть и съезживалась каждый раз, как они проносились над головой, не могла с ними не согласиться. Ясно было, какая ей предначертана судьба. Век скрести полы, звать с огорода теток, когда для них становится слишком сыро и холодно, стоя на четвереньках, копать в земле. Сменялись дни, все больше похожие друг на друга – до такой степени, что словно бы и вовсе не сменялись; она едва различала разницу между зимой и летом. Впрочем, для летнего времени в доме Оуэнсов имелась своя примета – противная птица, вторжение которой нарушало их покой, и в этом году, как всегда в канун Иванова дня, должна была появиться. Они сидели в гостиной, готовясь встречать незваного гостя, и – ничего. Тянулось время, слышно было, как тикают часы, и по-прежнему – ни звука, ни трепыханья, ни оброненного перышка. Салли, которая почему-то боялась птиц в полете, повязала голову шарфом, но теперь увидела, что зря. Ни в окно, ни сквозь дыру на крыше, пропущенную мастером, птица не залетала. Не облетала столовую трижды, предвещая беду. Даже не постучалась острым клювиком в оконное стекло.

Тетушки переглянулись в недоумении. Но Салли звонко рассмеялась. Ей, требующей во всем доказательств, предъявили мощный аргумент: перемены все-таки существуют! Жизнь меняется! Год на год не приходится, и один не похож на другой. Салли выскочила из дому и бежала, не останавливаясь, покуда не очутилась у входа в скобяную лавку, где с размаху налетела на человека, за которого ей суждено было выйти замуж. При взгляде на него у Салли помутилось в глазах – чтобы не лишиться чувств, ей понадобилось присесть на край тротуара и свесить вниз голову, а продавец, этот кладезь познаний в области мытья полов на кухне, сел рядышком, хотя хозяин кричал ему, чтобы он шел работать, поскольку к кассе уже выстроилась очередь.

Человека, которого полюбила Салли, звали Майкл. Он был такой заботливый и добрый, что при первой же встрече с тетушками расцеловал их и немедленно осведомился, не надо ли вынести на улицу мешки с мусором, чем расположил их к себе решительно и бесповоротно. Свадьбу сыграли быстро, и молодые поселились на чердаке, который вдруг оказался тем единственным в мире местом, где Салли хотелось находиться.

Пусть Джиллиан кочует из Калифорнии в Мемфис. Пускай выходит замуж и разводится три раза кряду. Целуется с каждым

встречным и поперечным и неизменно нарушает обещания побывать на праздники дома. Пускай жалеет сестру за то, что замуровала себя в этом старом курятнике. Салли ничуть не возражала. Ей лично представлялось непостижимым, как вообще можно жить на земле, не любя Майкла. Тетушки, и те стали прислушиваться по вечерам, не раздастся ли на улице насвистывание, означающее, что он идет с работы домой. Осенью он вспахивал для них огород. Зимой исправлял вторые рамы и заделывал шпатлевкой щели вокруг мутных от времени окон. Он разобрал на части древний микроавтобус «форд» и собрал заново, чем поразил тетушек настолько, что они отдали ему машину, а с нею – и свою беззаветную любовь. Ему хватало сообразительности держаться на расстоянии от кухни, особенно с наступлением сумерек, и если и замечал он присутствие женщин, что появлялись с черного хода, то Салли никогда о них не спрашивал. Целовался он вдумчиво, проникновенно и любил раздевать Салли, не выключая свет на ночном столике, а играя в кункен^[1] с кем-нибудь из теток, никогда не забывал проигрывать.

Даже дом с появлением Майкла начал становиться другим, что учуяли, скажем, те же летучие мыши и предпочли переместиться с чердака в сарай. К июню вдоль перил у крыльца зацвели розы, потеснив амброзию, хотя обычно происходило наоборот. Из гостиной в январе не тянуло больше холодом, а на выложенной каменными плитами дорожке не нарастала, против обыкновения, ледяная корка. В доме стало уютно и тепло, и, когда родилась Антония – тоже дома, так как в тот день разыгралась страшная вьюга, – люстра со стеклянными висюльками закачалась туда-сюда сама собой. Словно бы речка журчала, переливаясь по дому всю ночь до утра, так красиво и так натурально, что мыши сочли необходимым высунуться наружу, проверяя, стоит ли еще дом на старом месте, или теперь вокруг раскинулась поляна.

В соответствии с семейной традицией, Антонии, по настоянию тетушек, дали фамилию Оуэнс. Баловать дитя тетки принялись безотлагательно – подливали в бутылочки с молочной смесью шоколадный сироп, позволяли девочке играть жемчужными бусинами, брали ее в сад лепить песочные куличи и обрывать, едва она научилась ползать, кусты аронии. Антония была бы рада и счастлива век оставаться единственным ребенком, но через три с половиной года,

ровно в полночь, на свет появилась Кайли, и все сразу же обратили внимание, что она не такая, как обычные дети. Тетушки предсказывали, что маленькой сестре Антонии откроется такое, что обыкновенно скрыто от людей. Наклонив голову, она прислушивалась к дождю, когда он и не думал еще накрапывать. Показывала пальчиком на потолок за несколько мгновений до того, как на это место садилась стрекоза. Кайли была таким хорошим младенцем, что от одного ее вида у тех, кто заглядывал к ней в колясочку, воцарялись в душе покой и блаженная дрема. Ее не кусали комары, не царапали черные тетушкины кошки, даже когда ей случалось ухватить их за хвост. Не ребенок, а одно удовольствие – такая послушная и ласковая, что Антония рядом с ней становилась день ото дня все более капризной эгоисткой.

– Смотрите на меня! – требовала она, наряжаясь в шифоновые платья тетушек времен их молодости или доев горошек у себя на тарелке. Салли с Майклом гладили ее по головке и шли заниматься своей младшенькой, но тетушки – те знали, что хочется услышать Антонии. Они выходили с нею в сад поздней ночью, когда несмышленным малышам разгуливать не полагается. Показывали, как распускаются в темноте цветочки паслена, и учили улавливать чутким ухом – маленьким этому нипочем не научиться, но она-то большая девочка, – как прокладывают себе путь в земле дождевые черви.

Отпраздновать прибавление в семействе Майкл пригласил всех, кто работал в скобяной лавке, которой он теперь заведовал, и всех соседей по кварталу. Все приглашенные, к удивлению Салли, явились в полном составе. Даже те, кто обычно, проходя поздним вечером мимо их ворот, боязливо ускоряли шаг, были теперь, судя по всему, совсем не прочь прийти в гости. Угощались холодным пивом и мороженым, танцевали вдоль выложенной камнем дорожки. Антонию разодели в органди и кружева, и, когда Майкл поднял ее и поставил на потемневший садовый стол спеть для гостей «Янки Дудль» и «Пегую кобылку», в кружке восхищенной публики раздались аплодисменты.

Тетушки поначалу уперлись и наблюдали за общим весельем из кухонного окна, припав к стеклу наподобие силуэтов, вырезанных из черной бумаги. Объявили, что они не любительницы попусту слоняться на людях и могут найти себе на старости лет более полезное занятие. Но под конец и они не устояли и ошарашили всех, выйдя в сад

выпить шампанского за здоровье новорожденного, когда провозгласили тост в ее честь. И – уж гулять так гулять! – грохнули оземь свои бокалы, не посмотрев на то, что не одну неделю потом будут наткаться на осколки стекла между вилками капусты на грядках.

«Ты не поверишь, до чего все изменилось, – делилась Салли со своей сестрой. Она писала Джиллиан не реже двух раз в месяц, на бледно-голубой бумаге. Случалось, что попадала пальцем в небо, продолжая слать письма, допустим, в Сент-Луис, когда ее сестрица, как выяснилось, успела перебраться в Техас. – Все у нас как-то совсем как у людей, – писала Салли. – Ты просто в обморок упала бы, если б видела. Честное слово».

Обедать вечером садились все вместе, когда Майкл приходил с работы, и тетуски больше не крутили носом при виде полезных для здоровья овощных блюд, которые Салли упорно готовила для дочерей. Не цокали языком, когда Антония убирала со стола, хотя сами невысоко ценили примерное поведение. Не воспротивились, когда Салли отдала Антонию в детский садик при городском культурном центре, где ее научат говорить «спасибо» и «пожалуйста», когда хочешь попросить конфетку, и подскажут, что если таскать в кармане червяков, то вряд ли с тобой будут играть другие девочки. Однако на детские праздники тетки наложили табу, зная, чем это им грозит: орава буйных разбойников станет носиться с гоготом по всему дому, хлестать лимонад и оставлять под каждой диванной подушкой россыпи жевательных мармеладок.

Салли приноровилась справлять дни рождения и праздники в задней комнате скобяной лавки, где находились автомат для продажи жевательной резинки и металлическая лошадка, на которой можно скакать сколько влезет задаром, если особым образом наподдать ей по коленкам. Все дети в городе мечтали о приглашении на такое торжество.

– Ты только про меня не забудь, – напоминали Антонии девочки из класса, когда близился ее день рождения.

– Помни, я – твоя лучшая подружка, – нашептывали они ей незадолго до наступления Дня Всех Святых, или Четвертого июля.

Когда Салли и Майкл выходили с девочками погулять, соседи не шарахались от них, перебегая на другую сторону, а приветливо махали

им. Скоро их стали приглашать к себе на Рождество, на вечеринки, а один раз и вовсе доверили Салли киоск с выпечкой на ежегодной осенней ярмарке.

«То самое, чего мне хотелось, – писала Салли. – От и до! Приезжай погостить, увидишь», – уговаривала она, хотя и знала, что просто так, по своей охоте, Джиллиан не вернется никогда. Джиллиан признавалась, что даже название их городка вызывает у нее крапивницу. При одном виде штата Массачусетс на карте с души воротит. Прошлое так беспрочно, что о нем противно и думать – до сих пор проснешься ночью и вспоминаешь, какие они были несчастные сиротки. Погостить? Забудь об этом! О том, что для нее возможны какие бы то ни было контакты с тетками, которым не хватало ума понять, каково приходится сестрам в обстановке всеобщего отчуждения. Никакими миллионами, хотя бы и в наличных, Джиллиан не заманишь опять в края по ту сторону Миссисипи, как бы сильно ей ни хотелось увидеть дорогих племянниц, о которых она, разумеется, думает денно и нощно.

Урок, усвоенный когда-то Салли за кухонной дверью – подходить к своим желаниям с оглядкой, – давно потерялся в прошлом, поух и рассыпался прахом. Но только прахом такого свойства, какой не вымести за порог, – таким, что притаился горсткой в углу, а как подует в доме сквозняк, подымет и попадет в глаза тому, кого ты любишь. Антонии почти сравнялось четыре, Кайли уже спала по ночам без просыпа, и жизнь, с какой стороны ни посмотри, представлялась просто замечательной, когда рядом с тем местом, на котором обычно сидел за ужином Майкл, завелся жук-точильщик. Этот жучок, что отсчитывает время, тикая как часы, производит звуки, которые никому не улыбается слышать рядом с любимым человеком. Срок, отпущенный людям на земле, и без того достаточно ограничен, но когда жук начинает свой отсчет, его уже нет средства оборвать – ни вилки, чтобы выдернуть из розетки, ни маятника, чтобы остановить, ни переключателя, чтобы одним поворотом возвратил тебе запас времени, который ты до сих пор принимала как данность.

Первые недели тетушки только прислушивались к тиканью; потом, отведав Салли в сторонку, высказали ей свои опасения, но та не приняла их всерьез.

– Вздор! – отвечала она со смехом.

С посетительницами, которые по-прежнему нет-нет да и наведывались в сумерках к теткам с черного хода, Салли мирилась, но допустить, чтобы всяческая чепуха затрагивала ее семью – ну уж нет! То, чем занимаются тетки, – ерунда на постном масле, варево на потребу тем, кто в минуты отчаяния тешит себя небылицами. И хватит разговоров на эту тему! Пусть тетушки зря не стараются – не будет она глядеть, как каждый вечер на тротуар перед домом усаживается черный пес. Не станет слушать их уверений, будто, учуяв издали Майкла, пес задирает кверху морду, а при приближении воет и, поджав хвост, поспешно пятится назад, отступая от его тени.

Не слушая ее, тетки подкладывали Майклу под подушку веточки мирта, заставляли его принимать ванну с настоем остролиста и мыться их черным, особого изготовления, мылом. Незаметно совали ему в карман кроличью лапку – сам кролик некогда пал их жертвой на грядке с салатом. За завтраком подмешивали ему в овсянку розмарин, за ужином – лаванду в заварку чая.

И все равно жук в столовой не умолкал. Как крайнее средство, тетушки прочли в обратном порядке молитву, что, понятное дело, не осталось без последствий: в скором времени все в доме слегли с гриппом, осложненным бессонницей и сыпью, которая упорно не проходила, невзирая ни на какие бальзамы и примочки. К концу зимы Кайли с Антонией взяли себе привычку поднимать рев, когда видели, что отец хочет выйти из комнаты. Тому, кто обречен, объясняли тетушки Салли, тиканье, издаваемое жуком-точильщиком, не слышно, потому-то Майкл и повторяет, что ждать неведомой напасти нет причин. Но вероятно, и он что-то почуял, так как перестал носить ручные часы. А все стенные и каминные перевел назад. Когда же тиканье усилилось, он опустил шторы в доме и не поднимал их, если в окна било солнце или светила луна, как будто мог таким образом остановить время. Как будто время можно остановить...

Салли не верила ни единому слову из того, что говорили тетки. Тем не менее от всех этих разговоров о смерти у нее начали сдавать нервы. На коже выступили пигментные пятна, волосы потеряли блеск. Пропали аппетит и сон, и мучительно стало выпускать Майкла хоть на короткое время из поля зрения. Теперь, когда он целовал ее, она плакала, говоря себе, что лучше ей было бы вообще не любить. Она стала чересчур уязвима – вот что делает с нами любовь. Ее не обойти

стороной и не побороть. Сейчас лишиться ее значит лишиться всего. А впрочем, вовсе не сказано, что трагедии не миновать лишь потому, что так утверждают тетушки. Много ли знают! Салли специально побывала в публичной библиотеке, посмотрела все справочники по энтомологии. Да, жук-точильщик питается древесиной – и больше ничего!.. Что, тетушки, скушали? Да, мебель и прочее дерево в доме действительно могут пострадать, но при чем тут плоть и кровь? Так, по крайней мере, полагала в ту пору Салли.

Однажды в дождливый денек, когда Салли складывала белую скатерть, ей что-то послышалось. В столовой никого не было, в доме – тоже, но звук – был. То ли скрип, то ли стук – сердца, маятника? Она закрыла уши руками, и чистая скатерть осела на пол горкой белого полотна. Салли отказывалась верить предрассудкам, запрещала себе верить, но суеверный страх объял ее все равно, и в этот миг она увидела, как что-то прошмыгнуло под стулом Майкла. Призрачное существо, такое юркое и верткое, что бесполезно было бы попытаться раздавить его каблуком.

Вечером, как стемнело, Салли нашла на кухне тетюшек. Она стала на колени и молила их помочь ей, как это делали до нее столько других женщин в минуту отчаяния. Предлагала взамен все, что есть ценного: кольца со своей руки, двух своих дочерей, свою кровь до последней капли, – но тетушки только грустно качали головой.

– Я на все готова! – кричала Салли. – Готова верить во что угодно! Только скажите мне, что делать...

Но тетушки уже и так перепробовали все, что можно, а жук по-прежнему оставался где-то рядом с тем местом, на котором сидел Майкл. Иные судьбы определены заранее, и вмешиваться бесполезно. Весенним вечером, на редкость тихим и ласковым, Майкл сошел с тротуара по дороге из скобяной лавки домой и был сбит насмерть машиной, полной юнцов, которые по молодости лет и для веселья перебрали спиртного.

Целый год после этого Салли не разговаривала. Ей просто нечего было сказать. Тетюшек прямо-таки видеть не могла: мошенницы, жалкие бабки, которым дано не больше власти, чем мухам, что мрут по подоконникам, а прежде бьются в стекло, бессильно трепеща прозрачными крылышками. Выпусти! Выпусти меня! Услышав шелест юбок, предвещающий появление теток, Салли выходила из комнаты.

Определив по шагам на лестнице, что они поднимаются проверить, как она, или пожелать ей спокойной ночи, она вскакивала со стула у окошка, торопясь закрыть дверь на крючок, и никогда не слышала, как они стучатся – затыкала уши, и баста!

Когда бы Салли ни зашла в аптечный магазин, за зубной ли пастой или мазью от пеленочной сыпи, она видела за прилавком ту девушку, и взгляды их пересекались. Теперь-то Салли понимала, что может с человеком сотворить любовь. Так хорошо понимала, что навсегда зареклась снова иметь с ней дело. Девушка из аптеки выглядела старухой, хотя ей было, наверное, немногим больше тридцати: волосы поседели, а когда ей требовалось сказать что-нибудь – назвать, допустим, цену товара или особый сорт пломбира, очередной гвоздь недели, – то приходилось писать это на листке блокнота. Муж ее чуть ли не все время просиживал на табурете у стойки, баюкая в ладонях чашку кофе. Но Салли его почти не замечала, она не могла оторвать взгляд от девушки, пытаюсь разглядеть в ней ту, которая впервые появилась на кухне у тетушек, – ту милую, румяную, полную надежд...

Как-то в субботу, когда Салли пришла в аптечный магазин купить витамин С, девушка сунула ей вместе со сдачей какую-то бумажку. На ней идеально четким почерком было выведено: «Помоги мне!» Но Салли и себе-то не в силах оказалась помочь. Помочь своим детям, мужу. Весь мир, точно машина, потерявшая управление, обрушился в тартарары, и она не смогла этому помешать. С тех пор Салли не ходила больше в магазин аптечных товаров. А за тем, что ей нужно, посылала парнишку-старшеклассника, который, невзирая на любую непогоду – дождь, снег, ледяную крупу, – оставлял покупки на мощенной песчаником дорожке, упорно отказываясь подойти к дверям, даже при том, что таким образом лишал себя чаевых.

Антонию и Кайли на весь тот год Салли бросила на попечение теток. В июле она позволила осам гнездиться под стропилами, в январе – вьюге наместе на дорожку сугробы, так что почтальон, пребывавший в вечном страхе свернуть себе шею тем или иным образом на подступах к Оуэнсову дому, опасался, доставляя почту, зайти к ним за ворота. Забыты были здоровая пища и регулярное питание; когда мутило от голода, Салли, стоя у кухонной раковины, съедала банку горошка. Ходила постоянно нечесаная, в дырявых

носках и перчатках. Редко показывалась на люди, а когда показывалась, с ней предпочитали не встречаться. Детей отпугивал ее пустой, невидящий взгляд. Взрослые, которые, бывало, по-соседски звали ее на чашку кофе, теперь при виде ее переходили на другую сторону, торопливо бормоча слова молитвы: им легче было ослепнуть на время, воздев глаза к солнцу, чем наблюдать, что случилось с Салли.

Раз в неделю звонила Джиллиан, неизменно по вторникам, в десять вечера, – единственное, в чем она за столько лет соблюдала твердый распорядок. Салли, приложив к уху трубку, слушала, но по-прежнему ничего не говорила.

– Тебе нельзя раскисать, – внушала ей Джиллиан настойчивым, звучным голосом. – Это моя прерогатива!

И все же именно Салли отказывалась принять душ, или поесть, или поиграть с ребенком в ладушки. Это она проливали такие реки слез, что не могла иной раз поутру разлепить глаза. Каждый вечер она пыталась отыскать в столовой жука-точильщика, который, как было ей сказано, и накликал столько горя. Найти, конечно же, не нашла и веру в сказанное потеряла. На самом деле такие вещи скрыты от нас – в складках вдовьего черного платья, под белой простыней, где кто-то спит в одиночестве и видит в беспокойном сне все, чему нет возврата. Со временем Салли потеряла способность верить вообще во что бы то ни было, и мир вокруг окрасился в серое. Она перестала различать оранжевый и красный цвета, определенные оттенки зеленого – как у любимого свитера или листьев весеннего нарцисса – цвета пропали напрочь.

– Пробудись! – говорила Джиллиан, звоня ей точно в назначенное время. – Какими словами мне вытряхнуть тебя из этой спячки?

На самом деле таких слов не существовало, но Салли все-таки продолжала слушать. И задумывалась над советами Джиллиан, потому что с некоторых пор голос сестры был единственным звуком, который ей хотелось слышать, – он, как ничто иное, нес утешение, и Салли незаметно приучилась подсаживаться по вторникам к телефону в ожидании звонка.

– Жизнь предназначена для живых, – говорила ей Джиллиан. – Как ею распорядишься, такой и будет. Давай же! Слушай, что я тебе говорю. Пожалуйста!

Каждый раз, повесив трубку, Салли глубоко и надолго задумывалась. Думала о девушке из магазина аптекарских товаров, о том, что по лестнице бредет к себе Антония – укладываться без материнского поцелуя в кроватку. Размышляла о жизни и смерти Майкла, останавливаясь на каждой секунде, проведенной ими вместе. Перебирала в памяти каждую его ласку, каждое обращенное к ней слово. Все по-прежнему оставалось серым – рисунки, которые приносила из школы Антония и подсовывала ей под дверь, бумажные пижамки, в которых по утрам ходила в холодную погоду Кайли, бархатные шторы, которыми удобно отгораживаться от внешнего мира. Но теперь Салли начала мысленно располагать все в определенном порядке – горе и радость, доллары и центы, плач малышки и выражение ее личика, когда пошлешь ей в ветреный полдень воздушный поцелуй. Возможно, такое чего-то стоило: взгляда мельком – искоса – пристального взгляда...

А когда минул ровно год с того дня, как Майкл шагнул на мостовую с тротуара, Салли впервые заметила за своим окном зелень листвы. То была гибкая плеть, которая росла на этом месте постоянно, карабкаясь вверх по водосточной трубе, но лишь в тот день Салли обратила внимание, до чего нежен, первозданно чист каждый листик, так что и зелень-то отдает желтизной, а желтизна лоснится, точно масло. Салли большую часть времени проводила лежа в постели, и дело было за полдень. Она увидела, как сочится сквозь занавески золотистый свет, распределяясь полосами по стене. Салли вскочила с постели и принялась расчесывать щеткой длинные черные волосы. Надела платье, не надеванное с той весны. Сняла с вешалки пальто и пошла на улицу.

Снова была весна, и небо – такой синевы, что грудь перехватывало. Синий цвет – она видела его, синий, как его глаза, как жилки у него под кожей; цвет надежды. Цвет рубашек, вывешенных сушиться на веревке. Салли различала почти все краски и оттенки, отсутствовавшие целый год, – кроме, правда, и уже навсегда, оранжевого, слишком похожего на цвет выгоревшего «стоп-сигнала», который проглядела компания подростков в тот день, когда погиб Майкл. Впрочем, особого пристрастия к оранжевому Салли никогда не питала, так что потеря – тем более учитывая все прочие – была невелика.

Она шла дальше, по центру города, в старом шерстяном пальто, в черных сапогах. Веял легкий ветерок, но день был теплый, и Салли, одетой не по погоде, стало жарко; она скинула на руку пальто. Солнышко прогрело ее сквозь платье, припекало, пробирало до костей. Салли шла с таким ощущением, что словно бы воскресает из мертвых, и, возвращаясь в мир живых, все в нем воспринимала обостренно: прикосновение ветерка к коже, мошкару, что роилась в воздухе, запахи, исходящие от земли и молодой листвы, прелесть зелени и голубизны. Первый раз в кои-то веки ей подумалось, как славно будет вновь заговорить, почитать дочкам сказки перед сном, разучивать с ними стишки, называть им весенние первоцветы: аризему, ландыш, сине-лиловый гиацинт. И еще тот беленький, как там его, колокольчик, – тут Салли, сама не зная почему, свернула налево, на улицу Эндикотт, ведущую к парку.

В этом парке был пруд – полновластное владение четы довольно-таки противных лебедей, – была детская площадка с качелями и горкой и зеленое поле, на котором ребята постарше проводили футбольные матчи и баскетбольные игры, которые затягивались дотемна. До Салли доносились голоса играющих детей, и она прибавила шаг. Щеки у нее разругались, длинные черные волосы лентой развевались позади, – к собственному изумлению, она вспомнила, что все еще молода. Она собиралась пойти по дорожке, ведущей к пруду, но, увидев впереди чугунную скамью, остановилась. На скамье, следуя ежедневному своему обыкновению, сидели тетушки. Салли в голову не приходило поинтересоваться, чем они занимают детей весь день, когда она сама, не в силах выбраться из-под одеяла, лежит в постели, пока до ее подушки не дотянутся долгие вечерние тени.

На сегодняшнюю прогулку тетушки взяли с собой вязанье. Они вязали из черной тончайшей шерсти покрывало на кроватку Кайли, такое мягонькое, что под ним девочке непременно будут сниться черные ягнята на лугу. Рядом с тетушками, чинно скрестив ноги, сидела Антония. Кайли посадили на травку, там она и оставалась, не меняя положения. Вся компания была в черных шерстяных пальто, лица у всех в предзакатном освещении имели землистый оттенок. Ярким пятном выделялись на солнце рыжие волосы Антонии, такого насыщенного, необычного цвета, каких, казалось, от природы не бывает. Тетушки не переговаривались друг с другом, девочки явно ни

во что не играли. В том, чтобы дать им попрыгать через веревочку или поиграть в мячик, тетушки не видели смысла. Такого рода занятия, считали они, пустая трата времени. Лучше понаблюдать, что происходит вокруг. Сидеть себе, смотреть на лебедей, на синее небо, на других ребят, что носятся с криками и смехом, играя в кикбол и салочки. Лучше учиться быть тихой, словно мышка. Сосредоточиться, пока не станешь неслышной, как паучок, который пробирается сквозь былинки.

Ватага возбужденных мальчишек с азартом гоняла мяч, и наконец кто-то саданул по нему ногой, не рассчитав силы. Мяч взмыл в ясную синеву, упал и покатился по траве мимо цветущей айвы. Антония в эти минуты воображала себя голубой сойкой, что перепархивает с ветки на ветку белой плакучей ивы. Она радостно соскочила со скамейки, подобрала мяч и побежала навстречу мальчику, которого за ним послали. Мальчишка был лет десяти, не старше, но при приближении Антонии он переменялся в лице и стал как вкопанный. Она протянула ему мяч:

– На, бери.

В эти мгновения все дети в парке притихли, прервав свои игры. Лебеди с шумом расправили прекрасные могучие крылья. Салли поныне снятся эти лебеди, он и она, неусыпно охранявшие пруд, словно пара злобных доберманов. Снится, как сокрушенно поцокали языком тетушки, заранее зная, что сейчас произойдет.

Бедняжка Антония глядела на мальчика, который так и стоял, не трогаясь с места и, кажется, даже не дыша. Она наклонила набок головку, как бы соображая, дурачок он или просто такой невоспитанный.

– Тебе он что, не нужен? – спросила она.

Лебеди плавно поднялись в воздух; мальчишка подбежал к Антонии, выхватил мяч и толкнул девочку наземь. Черное пальтишко вздулось на лету пузырем, черные туфельки соскочили с ног.

– Не смей! – крикнула Салли.

То было первое слово, произнесенное ею за год. Его услышали все дети на площадке и дружно припустились бежать как можно дальше от Антонии Оуэнс, которая в отместку за обиду может сглазить, от ее теток, с которых станется подложить тебе в кастрюльку с тушеным мясом жабу, от ее матери, способной заморозить тебя со

злости во времени, замуровать на веки вечные в десятилетнем возрасте прямо на зеленом футбольном поле.

В тот же вечер Салли сложила вещи. Она любила тетушек и знала, что они хотят как лучше, но ей было нужно такое, чего тетушки обеспечить не могли. Нужен был город, где на ее дочерей не показывали бы пальцем на улице. Свой дом, с гостиной, в которой можно справлять дни рождения – с бумажными гирляндами и клоуном, нанятым по такому случаю, и именинным тортом, – в квартале, где все дома похожи друг на друга и нет ни одного с шиферной крышей, под которой гнездятся белки, с летучими мышами в саду и деревянными панелями, на которые не садится пыль.

Наутро Салли созвонилась с агентом по продаже недвижимости в штате Нью-Йорк и вынесла чемоданы на крыльцо. Тетушки уверяли, что прошлое все равно потянется за нею следом. Что она кончит, как Джиллиан, – неприкаянной душой, которой только хуже становится в каждом новом городе. Бегство – не выход, говорили они, но Салли считала, что это еще нужно доказать. На стареньком микроавтобусе больше года никто не ездил, но он завелся с пол-оборота и урчал, как закипающий чайник, покуда Салли устраивала девочек на заднем сиденье. Тетки предсказывали, что ее ждет жалкая участь, и грозили ей пальцем. Однако едва лишь машина тронулась, как тетушки начали уменьшаться в размерах, пока совсем не съжились, и стало казаться, будто ей машут на прощанье две черненькие поганки, стоя на дальнем конце улицы, где Салли с Джиллиан, бывало, в знойные августовские дни одиноко играли в классики, а кругом черными лужами плавился асфальт.

Салли выехала на 95-е шоссе и покатила без остановки на юг, пока, вся потная, ничего не понимая спросонок, не пробудилась Кайли от перегрева под черным шерстяным одеяльцем, благоухающим лавандой, ароматом которой была всегда пропитана одежда тетушек. Кайли приснилось, что за нею гонится стадо овец; «бэ-э, бэ-э», – повторяла она испуганно, перелезая на переднее сиденье, поближе к матери. Салли успокоила ее, прижав к себе и обещав дать мороженого, но с Антонией ей пришлось труднее.

Антония, которая любила тетушек и была их любимицей, не желала утешиться. Она сидела в черном платье, из тех, что они сшили для нее у портнихи на улице Пибоди, рыжие волосы торчали у нее на

голове сердитыми хохолками. От нее исходил кисловатый лимонный запах, в котором смешались в равных долях негодование и отчаянье.

– Я тебя презираю, – объявила она Салли, когда они оказались в каюте парома, переправляющего их через пролив Лонг-Айленд.

День выдался необычный – один из тех особенных весенних дней, когда становится вдруг по-летнему жарко. Салли с девочками жевали липкие дольки мандарина, запивая их купленной в буфете кока-колой, и, когда волнение на воде усилилось, у них подвело животы. Салли только что дописала открытку, которую собиралась отправить Джиллиан, не питая, впрочем, особой уверенности, что сестра все еще обитает по прежнему адресу. «Наконец-то решилась, – писала она неожиданно размашистым, при ее-то аккуратности, почерком. – Связала вместе простыни и сиганула из окна!»

– Всю жизнь буду тебя ненавидеть, – продолжала Антония, сжимая руки в кулачки.

– Имеешь право, – легко отозвалась Салли, но в глубине души она была уязвлена. Она обмахнула открыткой разгоряченное лицо. Антония умела задеть ее за живое, но на сей раз Салли не собиралась этого допустить. – Надеюсь, ты еще передумаешь.

– Не передумаю, – сказала девочка. – Я никогда тебя не прощу.

Тетушки Антонию обожали – за красоту и вредный характер. Они поощряли в ней эгоизм и склонность помыкать другими; весь этот год, когда Салли от горя и тоски утратила способность не только общаться со своими детьми, но хотя бы проявлять к ним мало-мальский интерес, Антонии разрешалось не ложиться спать до полуночи и командовать взрослыми. Взамен обеда она наедалась хрустящей соломкой в шоколаде и забавлялась, шлепая младшую сестренку свернутой в рулон газетой. Короче, делала все, что душе угодно, и ей хватало сообразительности понять, что все это с сегодняшнего дня переменится. Она швырнула остатки мандарина на палубу и раздавила их ногой; когда же и это не подействовало, ударилась в слезы и принялась проситься домой.

– Я хочу к тетенькам, – канючила она. – Отвези меня назад! Пожалуйста! Я буду хорошо себя вести...

Тут уж и Салли не сдержала слез. Кто, как не тетушки, когда она была маленькой, просиживал с ней ночи напролет, если она застудила себе ухо или подхватила грипп – читал ей сказки, варил бульон, поил

горячим чаем? Кто, как не они, укачивал Джиллиан, если ей не спалось, особенно первое время, когда девочки только приехали в дом на улице Магнолий и та совсем лишилась сна?

В тот вечер, когда Салли и Джиллиан сообщили, что родители к ним больше не вернуться, была гроза – и то же самое, на их беду, повторилось, когда они сидели в самолете по пути в Массачусетс. Салли было четыре года, но она помнила до сих пор этот полет сквозь сполохи молний; стоило лишь закрыть глаза, и перед ней вновь вставала эта картина. Они находились в небе, бок о бок с белыми яростными прочерками, и спрятаться было некуда. Джиллиан несколько раз вырвало, и, когда самолет начал снижаться, она так раскричалась, что Салли пришлось зажать ей рот рукой и наобещать детской жвачки и лакричных палочек, лишь бы она унялась на две минуты.

Для этого путешествия Салли выбрала самые нарядные платья. Джиллиан была в бледно-лиловом, она сама – в розовом, с кремовой кружевной отделкой. Они шли по аэровокзалу, взявшись за руки, слыша, как шуршат на ходу их нижние юбочки, – и вдруг увидели встречающих их теток. Тетушки стояли на цыпочках, высматривая их поверх ограждения, прицепив к рукавам воздушные шарики, чтобы дети узнали их. Приняв девочек в свои объятия и отобрав у них кожаные маленькие чемоданы, тетушки укутали Салли и Джиллиан в черные шерстяные пальтишки, порылись у себя в сумочках и извлекли из них шарики детской жвачки и красные лакричные палочки, как будто точно знали, что необходимо – или, по крайней мере, чего больше всего захочется – маленьким девочкам.

Салли была благодарна, искренне благодарна за все, что сделали тетушки. Но решение было принято. Она возьмет у агента ключ от дома, который ей в будущем предстоит купить, обзаведется кое-чем из мебели. Со временем надо будет подыскать работу, но на пока есть деньги от страховки, полученной за Майкла, и, откровенно говоря, она не станет сейчас задумываться о прошлом и о будущем. Сейчас она сосредоточится на дороге, по которой едет. Сосредоточится на знаках, на указателях поворота и не позволит себе отвлечься, услышав, что Антония разревелась и из сочувствия к ней захныкала Кайли. Салли включила радио и замурлыкала ему в лад, говоря себе, что иногда на

правильном пути все идет вкривь и вкось, покуда он не пройден окончательно и бесповоротно.

К тому времени, как они свернули к своему новому дому, день уже клонился к вечеру. На улице стайка ребятишек гоняла мяч, и, когда Салли, выйдя из машины, помахала им, все до единого помахали ей в ответ. По газону перед домом, пощипывая травку, скакала малиновка; на улице там и сям зажигался свет, люди накрывали на стол, готовясь к обеду. В тихом воздухе поплыли запахи жаркого, куриного рагу, запеканки по-итальянски. Девочки, чумазые от пыли и слез, заснули на заднем сиденье. По дороге Салли покупала им то мороженое в вафельных рожках, то леденцы на палочке, часами плела им истории, два раза останавливалась у игрушечных магазинов. И все же пройдет не один год, пока она заслужит у них прощение. Они подняли Салли на смех, когда она обнесла газон низенькой белой оградой. Антония просила, чтобы стены в комнате выкрасили в черный цвет, Кайли выпрашивала разрешение завести черного котеночка. И в том и в другом было отказано. Спальню Антонии покрасили в желтый цвет, Кайли купили золотую рыбку по имени Лучик, но это не значит, что девочки забыли, где их родные места, и перестали по ним скучать.

Каждое лето, в августе, они ездили к теткам. Каждый раз, затаив дыхание, ждали, когда за поворотом на улицу Магнолий покажется большой старый дом с черной оградой и с окнами впрозелень. Тетушки неизменно пекли к их приезду шоколадный торт, пропитанный ромом, и задаривали Антонию и Кайли подарками. О том, чтобы соблюдать часы отхода ко сну или разумную диету, понятно, не могло быть и речи. Никаких правил – не разрисовывать, к примеру, обои на стене или не наливать ванну до полна, когда горячая пенная вода хлещет через край, заливая сквозь потолок гостиную, – не существовало. С каждым приездом девочки становились все выше ростом – это подтверждалось тем, что тетушки с каждым разом казались им все ниже, – и каждый год точно с цепи срывались: пускались в пляс на грядках с зеленью, сражались перед домом в софтбол и ложились спать за полночь. Питались чуть ли не по целым неделям одними «сникерсами» да «марсами», пока не схватит живот, и тогда, наконец, требовали себе салатика или кружку молочка.

Салли во время этих августовских каникул стремилась вытаскивать дочерей из дому хотя бы на полдня. Возила их на целый

день – купаться на пляже острова Плам-Айленд, кататься в Бостоне на знаменитых лебяжьих ладьях, совершать на парусной лодке, взятой напрокат, прогулки по голубому заливу Глостера. Но девочки всегда просились обратно, к теткам. Дулись и отравляли Салли существование, пока она не сдавалась. Хотя не дурное настроение детей вынуждало ее поворачивать к дому, а то, что они в чем-то заодно. Это было до того непривычно и так отрадно наблюдать, что у Салли язык не поворачивался сказать «нет».

Салли, вообще-то говоря, ждала, что Антония будет старшей сестрой, что и она сама, однако девочке подобная роль была совершенно не по нраву. Антония ни за кого не чувствовала ответственности и ни с кем не собиралась нянчиться. С самого начала она немилосердно дразнила Кайли и одним взглядом умела довести сестренку до слез. Только в доме у тетушек между ними возникало согласие и даже нечто похожее на дружбу. Здесь, где все, кроме отполированного до блеска дерева, было обшарпанным и ветхим, девочки подолгу проводили время. Вместе ходили рвать лаванду, устраивали пикники в тенистых уголках сада. Засиживались допоздна в прохладной гостиной или же, растянувшись на верхней площадке, разлинованной лимонными полосками солнца, до одурения резались в кункен или в пачиси.

Возможно, их сближению способствовало то, что здесь они жили в одной комнате, на чердаке, а может быть, девочкам просто выбирать было не из кого, поскольку здешние дети все еще перебежали на другую сторону, проходя мимо Оуэнсова дома. Как бы то ни было, Салли радовалась от души, видя, как ее дочери, почти соприкасаясь головами, решают за кухонным столом ребус или сочиняют открытку, которая настигнет Джиллиан по новому адресу где-нибудь в Айове или Нью-Мексико. Пройдет короткое время, и они будут вновь готовы вцепиться друг в друга из-за какой-нибудь мелочи или очередной пакости, учиненной Антонией, – то кузнечика подсунет под детское одеяльце, с которым Кайли не расставалась лет до двенадцати, то насыплет ей в туфли песку и камешков. Так что на эту единственную неделю в августе девочкам предоставлялась полная свобода, хоть Салли и знала, что это не пойдет им на пользу.

Каждый год, по мере того как тянулись каникулы, девочки спали все дольше и вставали с синяками под глазами. Начинали жаловаться

на жару, когда нет сил даже добрести до аптечного магазина за пломбиром с фруктами и бутылочкой холодной кока-колы, как ни интересно понаблюдать там за немолодой продавщицей, которая не говорит ни слова, но умеет приготовить банановый десерт за считанные секунды – глазом не успеешь моргнуть, как уже очистит банан, выложит на него сбитое суфле и зальет сиропом. Вскоре по приезде Кайли с Антонией начинали проводить время в огороде, где вперемешку с перечной мятой всегда росли белладонна и наперстянка и где дорогие сердцу тетушек кошки – включая двух склочных тварей по кличке Ворон и Сорока, памятных Салли с детства, которые категорически не желали помирать, – по-прежнему рылись в мусорной куче в поисках косточки или рыбьей головы.

Всякий раз наступает время, когда Салли знает, что пора уезжать. Настает ночь, когда, проснувшись от глубокого сна, она подходит к окну и видит, что ее дочери гуляют одни при луне. На грядках с капустой и в кустиках циннии сидят жабы. Зеленые гусеницы грызут листья, готовясь обратиться в белых мотыльков, которые будут биться о проволочную сетку в окне и лететь на яркий фонарь у черного хода. Лошадиный череп, прикрепленный к забору, обесцветился и отрухлявел от времени, но оттого ничуть не меньше прежнего отпугивает людей.

Салли, прежде чем снова забраться в постель, всегда дожидается, покуда девочки вернутся в дом. На другое же утро она извинится, что уезжает на день или два раньше, чем было запланировано. Она разбудит дочерей, и те, с воплями, что их подняли в такую рань, и с настроением, заведомо испорченным на весь день, все же погрузятся в машину. Перед отъездом Салли расцелует тетушек и пообещает чаще звонить. Иногда у нее екает сердце при виде того, как они постарели, как зарос сорняками сад и поникла глициния, которую никому не пришло в голову полить водичкой или подкормить удобрениями. И все-таки, ведя машину по улице Магнолий, она не раскаивается в своем поступке, не допускает даже минутных сожалений, как бы ни плакали и ни роптали ее дочери. Она знает, куда направляется и что ей надо делать. Она, если угодно, с завязанными глазами найдет дорогу на 95-е шоссе. Найдет в темноте, в ясную погоду и в ненастье – даже когда, похоже, кончается бензин. Не важно, что скажут люди. Не важно, что они будут говорить между собой. Иногда приходится

покидать свой дом. Иногда бегство означает, что ты движешься в единственно верном направлении.

Предвестия

Скрещенные ножи на обеденном столе – это к ссоре, но то же можно сказать про двух сестер, живущих под одной крышей, особенно когда одна из них – Антония Оуэнс. В свои шестнадцать лет девочка до того красива, что посторонний человек, увидев ее впервые, ни о чем не заподозрит, как она способна портить жизнь окружающим. Вредности в ней с детских лет только прибавилось, но ее рыжие волосы такого сногшибательного оттенка, ее улыбка так ослепительна, что все ребята в школе норовят сидеть с ней за одной партой на уроках, хотя, когда им это удастся, на них буквально нападает столбняк лишь оттого, что она так близко, и, сами того не желая, они выставляют себя дураками, пялясь на нее во все глаза с блаженным выражением лица.

Неудивительно поэтому, что младшая сестра Антонии, Кайли, которой скоро исполнится тринадцать, запирается в ванной и часами льет слезы из-за того, что она такая уродина. В Кайли без малого метр восемьдесят росту – дылда, по ее собственным представлениям. Тощая, как цапля, коленки стучаются друг о друга при ходьбе. Нос и глаза в последнее время от постоянных рыданий – красные, как у кролика; с волосами, которые от влажности пошли кудряшками, сладу нет. Иметь сестру, которая само совершенство, по крайней мере внешне, уже не подарок. Но она к тому же умеет несколькими обидными словами стереть тебя в порошок – это для Кайли почти что нестерпимо.

Беда отчасти в том, что у Кайли никогда не находится достойного ответа, если Антония участливо осведомится, не стоит ли ей класть себе на голову кирпич, ложась спать, или не думает ли она купить парик. Сколько раз пробовала – даже проигрывала убойной силы варианты со своим единственным другом Гидеоном Барнсом, великим мастером обхамить человека по высшему разряду, – и все равно ничего не получается. Кайли – натура нежная, из тех, что не могут видеть без слез, как кто-нибудь наступит на паучка; она обитает в мире, где причинить боль другому – поступок противоестественный. Когда Антония над ней измывается, Кайли только хватает воздух ртом,

словно рыба на песке, – то откроет рот, то закроет, – а после запрется в ванной, чтобы в очередной раз выплакаться. Тихими, безветренными ночами она лежит, свернувшись калачиком, и прижимает к себе старое детское одеяльце из черной шерсти, в котором до сих пор не завелось ни единой дырочки, будто оно волшебным образом отталкивает моль. По всей улице соседям слышен ее плач. Они качают головой, жалея ее, а соседки по кварталу, в особенности те, кто рос со старшей сестрой, приходят с домашним шоколадным печеньем, забывая, что у девочек-подростков бывает с кожей от сладкого, и думая лишь, как бы избавиться себя от тягостных звуков плача, долетающих до них поверх живых изгородей и заборов.

К Салли эти женщины по соседству относятся с уважением, и более того – с неподдельной симпатией. У Салли серьезное лицо, даже когда она смеется, длинные черные волосы и ни малейшего представления о том, как она хороша. Она всегда стоит первой в списке родителей, оповещающих по цепочке других, что занятия в школе отменяются из-за непогоды, ибо такое дело лучше поручить ответственному человеку, а не какой-нибудь безалаберной мамаше, склонной полагать, что все в жизни прекрасно образуется само собой, без разумного вмешательства со стороны. Всем в округе Салли известна своей добротой и здравомыслием. Когда надо, в один момент согласится побыть в субботу с вашим карапузом, заберет из школы ваших детей, даст займы сахару или яиц. Придет посидеть с вами на заднем крыльце, случись вам обнаружить у мужа в тумбочке бумажку с телефоном другой женщины, и сообразит, что нужно дать человеку выговориться, а не лезть к нему со скороспелыми советами. А главное, никогда потом не заикнется о ваших проблемах и никому не передаст ни слова из вашего разговора. Когда же ей зададут вопрос о ее собственном замужестве, лицо ее примет мечтательное выражение, совершенно ей несвойственное в обычное время.

– С тех пор сто лет прошло, – только и скажет она. – Это было в другой жизни.

После приезда из Массачусетса Салли пошла работать помощницей к заместителю директора средней школы. За все это время у нее не набралось бы и десятка свиданий, да и то подстроенных из романических соображений соседями, – бесплодные попытки, которые не приводили ни к чему, кроме ее же собственной двери,

намного раньше, чем ей полагалось бы вернуться домой. Теперь Салли ловит себя на том, что стала чаще уставать и раздражаться – она не становится моложе, хотя выглядит по-прежнему потрясающе. Последнее время она постоянно живет в таком напряжении, что мускулы у нее на шее напоминают перекрученную проволоку.

Когда от напряжения сводит шею, когда по ночам будит тревога и от одиночества старичок-вахтер в школе кажется очень даже ничего, Салли напоминает себе, каких трудов ей стоило добиться, чтобы ее девочкам хорошо жилось. Антония пользуется таким успехом, что ее третий раз выбирают на главную роль в ежегодном школьном спектакле. Кайли, хоть и не подружилась близко ни с кем, помимо Гидеона Барнса, заняла первое место по округу Ниссау в конкурсе грамотеев и избрана президентом шахматного клуба. Дочери Салли всегда приглашают гостей на дни рождения и берут уроки танцев. Женщина зорко следит за тем, чтобы они не пропускали визитов к зубному врачу и были в школе точно к началу занятий. Им не разрешается смотреть телевизор, пока не сделаны уроки, и засиживаться за полночь, а также болтаться попусту в торговом центре или на пяточке у Развилки. Ее дочери укоренились в местном обиходе, и отношение к ним точно такое же, как ко всем прочим, – нормальные дети, каких полно в любом квартале. Вот чего ради в первую очередь Салли покинула Массачусетс и тетушек. Вот почему она отказывается думать, чего, быть может, недостает в ее жизни.

Никогда не оглядывайся назад, наказала она себе. Не вспоминай о лебедях и о том, каково сидеть одной в темноте. Не вспоминай о вьюгах, о грозах с громом и молнией, о нерушимой любви, которой ты лишена навек. Жизнь – это чистить зубы по утрам, готовить завтрак своим детям и гнать от себя посторонние мысли; со всем этим Салли, как выяснилось, умеет справляться превосходно. Делает повседневные дела как надо и когда надо. Правда, часто видит во сне сад тетушек. В дальнем углу – лимонная липпия, лимонный тимьян, лимонная мята. Сядешь там, скрестив ноги, закроешь глаза, и пряный лимонный аромат дурманит голову. Все в этом саду имело свое назначение, даже пышные пионы, которые оберегают от переохлаждения и морской болезни, а иногда – такие случаи известны – отводят беду. У Салли нет уверенности, что она до сих пор помнит названия разнообразных травок, которые там росли, хотя, наверное, все же различила бы по

виду мать-и-мачеху и окопник, а лаванду и розмарин – по их характерному запаху.

Ее собственный садик прост и непритязателен – как раз таков, какой ей по вкусу. Живая изгородь из жиденьких кустов сирени, кизил, крохотный огородик, где и произрастает-то всего ничего: желтые помидоры да плети чахлых огурцов. Листики огуречной рассады в этот последний июньский день словно подернулись пылью от жары. Какое счастье, что есть летние каникулы! За это стоит потерпеть все, с чем сталкиваешься в школе, где ты обязана постоянно носить на лице улыбку. Эд Борелли, заместитель директора и непосредственный начальник Салли, выдвинул предложение всегда улыбаться работникам канцелярии, чтобы пребывали в постоянной готовности, когда приходят с претензиями родители. Любезность – существенный фактор, напоминает Эд Борелли секретаршам в кошмарные дни, когда кого-то на время исключают из школы, и совещания наезжают друг на друга, и школьный совет грозит продлить учебный год с учетом тех дней, когда из-за плохой погоды не было занятий. Но напускное оживление опустошает, и если делать вид приходится достаточно долго, всегда есть шанс превратиться в робота. К концу полугодия Салли обычно замечает за собой склонность даже во сне бормотать: «Мистер Борелли освободится сию минуту». Стало быть, пришло время считать дни до летних каникул и ждать как манны небесной последнего звонка.

Поскольку учебный год вот уже сутки как закончился, Салли полагалось бы, кажется, воспринимать окружающее в радужном свете, но чего нет, того нет. Она лишь слышит, как тяжело стучит сердце да наверху, у Антонии в комнате, надрывается радио. Что-то неладно. Ничего явного, такого, что подлежит четкому определению, – не дырка на свитере, а скорее истрепанный край, что распустился махрами пряжи. Воздух в доме словно насыщен электричеством, так что пушок у Салли на затылке встает дыбом, а белая блузка потрескивает и искрит.

Весь день у нее такое чувство, что быть беде. Она пытается себя урезонить, она вообще не склонна верить, что можно предсказывать несчастья, поскольку нет и не было научных подтверждений, будто подобного рода провидческие явления в самом деле существуют. Тем не менее, делая покупки, она берет дюжину лимонов и, не успев

совладать с собой, прямо там, в овощном отделе, плачет, словно от неожиданного после стольких лет приступа тоски по старому дому на улице Магнолий. Уйдя из магазина, Салли едет мимо спортивного поля, где Кайли со своим приятелем Гидеоном играют в футбол. Гидеон – заместитель Кайли в шахматном клубе, и у нее есть подозрение, что это его голос, возможно, был решающим, когда ее выбирали президентом. Кайли – единственный в мире человек, способный ладить с Гидеоном. Когда он родился, его мать, Джинни Барнс, уже через две недели была вынуждена обратиться к врачу, таким он был – и остается – трудным ребенком. Он попросту не желает быть как все. Ни за какие коврижки. Сейчас, например, остригся наголо и разгуливает в армейских ботинках и черной кожаной куртке, хотя на улице, наверное, тридцать градусов в тени.

Салли всегда не по себе в присутствии Гидеона, она считает, что он грубый, нахальный и оказывает на других дурное влияние. Но от вида того, что он играет с Кайли в футбол, она испытывает огромное облегчение. Кайли хохочет, глядя, как парень, гоняясь за мячом, спотыкается о свои ботинки. Ее не обидели, не украли – вот она, носится сломя голову по зеленому полю. День разомлел от жары – обыкновенный денек, такой же, как другие, и Салли пора бы уже расслабиться. Глупо было поддаваться уверенности, будто вот-вот грядет какая-то напасть. Так она говорит себе, но втайне так не думает. Когда Антония, радостно возбужденная, приходит домой с сообщением, что получила на лето работу в кафе-мороженом у Развилки, Салли, полная подозрений, считает нужным позвонить хозяину и проверить, каковы у дочери будут обязанности и часы работы. Мало того, она выпрашивает о подробностях его частной жизни, включая домашний адрес, наличие жены и количество детей.

– Спасибо, что поставила меня в дурацкое положение, – холодно говорит Антония, когда Салли вешает трубку. – Теперь мой босс точно знает, что я уже не маленькая, раз мать до сих пор водит меня за ручку.

Антония нынче носит только черное, что еще разительнее оттеняет ее рыжую шевелюру. На прошлой неделе, чтобы испытать силу ее приверженности к черной одежде, Салли купила ей белый, отороченный кружевами свитерок, за который, как ей известно, любая из подружек Антонии отдала бы полжизни. Антония бросила свитерок в стиральную машину, сыпанула туда же пакетик краски и затем

отправила угольно-черное изделие в сушилку. Итогом явилась вещица до того в обтяжку, что каждый раз, как Антония ее надевает, Салли тревожится, не повторит ли она судьбу Джиллиан, сбежав с кем-нибудь из дома. Женщину пугает мысль, что одна из ее дочерей может пойти тем же путем, какой выбрала сестра, – по той дорожке, что привела лишь к саморазрушению и напрасной потере времени, в том числе на три скоротечных брака без единого гроша на содержание после развода.

Антония – на то она и красотка – определенно девушка с запросами и знает себе цену. Но сегодня, в этот знойный июньский день, ее внезапно охватывают сомнения. Что, если она не такая уж необыкновенная? Если, едва ей минует восемнадцать, красота ее поблекнет, как у других, которым невдомек, что пик расцвета пройден, пока – когда уже все кончено – они не обнаружат, глядя в зеркало, что сами себя не узнают? Она всегда считала, что когда-нибудь станет актрисой, что на другой же день по окончании школы отправится на Манхэттен или в Лос-Анджелес, где ее возьмут на главную роль, как неизменно брали в средней школе. Теперь она в этом не уверена. Еще неизвестно, есть ли у нее талант, да и вообще зачем ей это надо. Если честно, ей никогда не нравилось играть роли – нравилось знать, что на нее все смотрят. Что глаз от нее не в силах оторвать.

Когда Кайли приходит домой, нескладная, взмокшая от пота и перепачканная в траве, Антония даже не пользуется возможностью подпустить ей шпильку.

– Ты что-то собиралась сказать? – на всякий случай спрашивает Кайли, сталкиваясь с ней в коридоре.

Ее каштановые волосы торчат в разные стороны, щеки пылают, все в пятнах от жары. Идеальная мишень для насмешек, и сама это знает.

– Можешь первая идти в душ, – отзывается Антония таким задумчивым и грустным голосом, словно это вовсе не она.

– Интересно, как это понимать? – удивляется Кайли, но Антония уже двинулась дальше по коридору – красить ногти красным лаком и размышлять о своем будущем, чего ни разу до сих пор не делала.

К обеду недобрые предчувствия, не покидавшие Салли с утра, почти забыты. Не верь тому, чего не видишь, – таков был всегда ее девиз. «У страха глаза велики» – любимая ее поговорка, еще со

времен, когда девочки в раннем детстве свято верили, что на второй полке бельевого шкафа в коридоре живут страшные чудовища. Но в тот самый миг, как Салли отпустило и у нее мелькает мысль, что недурно бы освежиться пивом, на кухне ни с того ни с сего со стуком падают вниз шторы, словно вдруг разрядилось напряжение, исподволь копившееся в стенах. У Салли к этому времени готов салат из фасоли с брынзой, морковь соломкой, маринованная брокколи и на сладкое – воздушный торт со сбитыми белками. Судьба последнего, однако, под вопросом – когда со стуком опустились шторы, торт начал опадать, сперва с одной стороны, потом с другой, пока не сделался плоским, как тарелка.

– Да все нормально, – говорит Салли дочерям о поведении штор, приведенных в действие некой посторонней силой, но голос ее, даже на собственный слух, звучит неубедительно.

Вечер спускается душный, влажный, – белье, висящее на веревке, лишь отсыреет, если его оставить на ночь. Густо-синее небо нависло знойной пеленой.

– Не все, уж это точно, – говорит Антония, потому что как раз в эти минуты поднимается странный ветер. Он врывается в дверь, забранную проволочной сеткой, в открытые окна, дребезжа тарелками и столовым серебром. Кайли вскакивает и бежит взять свитер. Ее, хотя жара лишь усиливается, от этого ветра пробирает мороз; мурашки бегут по коже.

На улице, по соседним дворам, опрокидываются детские горки, и кошки, царапаясь в заднюю дверь, отчаянно просят в дом. Посредине квартала раскалывается надвое тополь и рушится на землю, задевая пожарный гидрант и разбивая стекло стоящей у тротуара «хонды-сивик». Тогда-то Салли с девочками и слышат стук. Девочки поднимают глаза на потолок, потом переводят на мать.

– Белки, – успокаивает их Салли. – Ишь, развелись на чердаке.

Но стук не прекращается, ветер тоже, а жара все продолжает нарастать. Наконец, к полуночи, все вокруг стихает. Наконец-то люди могут уснуть. Салли – одна из немногих, кто еще не ложился. Ей еще колдовать над яблочным тортом по особому рецепту – с добавлением черного перца и мускатного ореха, – который она сохранит в морозилке до Четвертого июля, когда весь квартал собирается на праздник. Но в конце концов засыпает и Салли, невзирая на погоду;

вытягивается под прохладной белой простыней, оставив окна открытыми, так что в них задувает ветерок и гуляет по комнате. Умолкли первые в этом году сверчки, расселись по кустам воробьи под защитой веток, слишком непрочных для кошачьей тяжести. И едва только людям начинают сниться свежескошенное сено, пирог с черникой и лев, мирно полеживающий рядом с ягненком, как вокруг луны появляется кольцо.

Сияние вокруг луны – это всегда знак перелома: то ли погода переменится, то ли заболеешь, то ли наступит полоса упорного невезенья. Но если кольцо двойное, все перекрученное, перепутанное, как взбаламученная радуга или любовные отношения, в которых все пошло вкривь и вкось, – тогда можно ждать чего угодно. В такое время разумнее не подходить к телефону. Люди с понятием предусмотрительно закроют наглухо окна, они запрут все двери и не позволят себе поцеловаться со своей милой по верх садовой калитки или погладить приبلудную собаку. Беда, в конце концов, сродни любви – нагрянет без предупреждения, и не успеешь оглядеться, опомниться, как подчинит себе все.

В вышине, над крышами домов, кольцо уже пошло свиваться вокруг себя, подобное световой змее неведомых возможностей, переплетаясь двойной петлей, стянутой силой тяготения. Если б народ не спал, то можно было бы, выглянув в окно, полюбоваться красотой светового кольца, но люди спали безмятежным сном, оставив незамеченными и луну, и наступившее затишье, а также «олдсмобиль», который уже свернул к дому Салли Оуэнс и останавливается возле «хонды», купленной Салли два года назад на смену древнему микроавтобусу, полученному от тетушек. Женщине в такую ночь не составит труда вылезти из машины так тихо, что никто из соседей не услышит. Когда в июне стоит такая жара, когда так тяжело нависает чернильное небо, стук в дверь, забранную проволочной сеткой, не разнесется по окрестности. Он канет в твои сны, подобно камню, брошенному в воду, и ты проснешься в панике, задыхаясь от бешеного сердцебиения.

Салли садится в постели, твердо зная, что не должна трогаться с места. Она опять видела во сне лебедей, смотрела, как они снимаются с воды. Одиннадцать лет она вела образцовую жизнь, была добросовестна и надежна, сердечна и рассудительна, но это не значит,

что ей трудно распознать серный въедливый запах беды. Это она сейчас там, за дверью, – беда, в чистом и неразбавленном виде. Взывает к ней, как ночная бабочка, что бьется об оконную сетку, и Салли просто не в силах противиться. Она натягивает джинсы, белую футболку и собирает свои темные волосы в конский хвост. Она еще будет клясть себя за это, можно не сомневаться. Будет недоумевать, зачем ей поддаваться этому зуду, что находит на нее, этой тяге во что бы то ни стало все поправить.

Те, кто предупреждал, что бегство – не выход, что прошлое рано или поздно настигнет тебя, возможно, знали, что говорят. Салли смотрит в окно. Там, у парадного входа, – стоит девочка, которая умела как никто плодить неприятности, – только теперь она совсем взрослая. Прошло столько лет – вечность прошла, – но Джиллиан все так же хороша, хоть, правда, запылилась с дороги, взбудоражена и так слаба в коленках, что, когда Салли распахивает дверь, должна для опоры прислониться к кирпичной стене.

– Боже мой, это ты, – говорит Джиллиан, как будто не она, а сестра здесь нежданная гостья. За восемнадцать лет они виделись всего три раза, когда Салли приезжала к ней на запад. Джиллиан, как зареклась, сбежав от тетушек, так больше и не побывала ни разу по эту сторону Миссисипи. – Правда ты, в самом деле!

Светлые волосы Джиллиан острижены совсем коротко, пахнет от нее сахаром и жарой. На ранты ее красных сапожек набился песок, на запястье наколота зеленая змейка. Она обнимает Салли порывисто и крепко, пока та еще не сопоставила поздний час этого приезда и тот факт, что ни разу за весь месяц Джиллиан не удосужилась позвонить – пусть не о том, что приезжает, но хотя бы сообщить, что жива. Два дня назад Салли отправила письмо в город Тусон, по ее последнему адресу. В этом письме она задала Джиллиан перцу – за череду неосуществленных планов, упущенных возможностей, высказала ей все, что думает, не стесняясь в выражениях, и теперь чувствует облегчение от того, что письмо к сестре уже не попадет.

Но впрочем, облегчение приходит ненадолго. Как только Джиллиан начинает говорить, Салли становится ясно, что стряслось нечто серьезное. Голос ее срывается, что на нее совершенно не похоже. Она всегда умела мигом найти себе правдоподобное оправдание или отговорку, врачую в силу необходимости уязвленное самолюбие своих

бессчетных кавалеров; в обычное время она хладнокровна и собрана, но сейчас ее буквально колотит.

– У меня проблема, – наконец заявляет Джиллиан.

Она оглядывается через плечо и облизывает губы. Она дико нервничает, это очевидно, хотя само по себе наличие проблемы ей, скажем прямо, не в новинку. Джиллиан способна создавать проблемы походя, на ровном месте. Она по-прежнему остается такого типа женщиной, которая поранит себе палец, нарезая дыню, и врач в травмопункте, зашивая порез, потеряет голову раньше, чем наложен весь шов.

Джиллиан делает паузу, чтобы получше разглядеть Салли.

– Ты не поверишь, до чего я по тебе скучала.

Кажется, ей и самой это удивительно. Она запускает ногти в подушечки своих ладоней, словно пытаясь пробудиться от страшного сна. Когда бы не крайняя надобность, не стояла бы она здесь, ни за что не примчалась бы просить помощи у старшей сестры, когда всю жизнь с твердокаменным упорством старалась полагаться лишь на себя. Все прочие держались своей родни, на Пасху или День благодарения отправлялись кто на запад, кто на восток или хотя бы на соседнюю улицу, – все, но не Джиллиан. Она всегда была готова поработать в праздничные дни, а после – непременно навестить лучший в городе бар, где выставлено подходящее к случаю угощение: крутые крашеные яйца, бледно-розовые, лазурные, или же маленькие сэндвичи с традиционной индейкой и клюквенным соусом. А однажды в День благодарения Джиллиан пошла и сделала себе татуировку на запястье. Было это в Лас-Вегасе, штат Невада, в жаркую погоду, под небом, выцветшим до фарфоровой белизны, и мастер в салоне обещал ей, что будет не больно, но вышло наоборот.

Конец ознакомительного фрагмента. [Полный текст доступен на www.litres.ru](http://www.litres.ru)

notes

Примечания

1

Кукен – азартная карточная игра.